

Константин Бальмонт

БЕЛЫЙ ЗОДЧИЙ

Стихи

ЗЛАТЫЕ ВЕДРА

Пение Влаги – Земля. Первая
песня – Огонь. Главная песня
есть Воздух. Вставная песня есть
Солнце. Песня последняя – Небо.
Чти пятикратность в Дожде.

Упанишады

ЗЛАТЫЕ ВЕДРА

Любя полдневное светило,
Умножь свой день в полночный час,
Златое устреми кормило
Меж миллионов звездных глаз.
 Овейся пылью метеоров,
 Забудь заботы позади,
 И между многозвездных хоров
 Свой путь намеченный веди.
Вкруг солнц, по эллипсам продольным
И по законченным кругам,
Своим взнесеньем, летом вольным,
Являя многогрозный храм, –
 Сверкают помыслы Пространства,
 Самовопрос, самоответ,
 Самосвечение постоянства,
 Толпы серебряных планет.
Созвездно-взвешенные мысли,
Глядят в колодезь темноты,
На равновесном коромысле
Златые ведра льют мечты.
 Переплеснуло изобилье,
 Алмазы-грезы чертят путь,
 Раскрой звездящиеся крылья,
 Вбирай ночную свежесть в грудь.

Осеребтив свои полеты,
Упейся влагой золотой,
Тебя не спросят в безднах: «Кто ты?»
На праздник звезд лети звездой.

ИГРА

Тешься. Я игра игровая.
Нить в станке рукой ведомая.
Вверься. Я игра игранья.
В рдяных жерлах миг сгорания.
Серый камень взнес в хоромы я.
Желтый тес скрепляю в здание.

Тес – пахучий,
Тот – гремучий,
Тес – из леса,
Тот – из гор.
Что нам холод!
Жив наш молот.
Где завеса?
Жив топор.
Камень – пламень
Онемевший.
Древо – сева
Ход зардевший.
В жизни – двое,
В смерти – два.
Дно – живое,
Синева.
Дно у чаши
Небосвод.
Жизни наши
Хоровод.
Дно у чаши
Опрокинь.
Что есть краше
Сна пустынь?
В дно у чаши
Загляни.
Мысли наши
Там – огни.
Дно у чаши
Звездосвод.
Жизни наши
Хоровод.

Вот топор лежит у лестницы.
В Небе ласточки нам вестницы.
Он лежит спокойно с молотом.
Оживил лазурь я золотом.

Я загадка. Различай меня.
Я лампадка. Засвечай меня.
Я – тяжелый.
Я – как пчелы.
Я – движенье
Острия.
Что есть краше?
Небо – наше.
Наше – пенье
Бытия.

БУБЕНЧИКИ

Качается, качается
Бубенчик золотой.
Душа моя встречается
С давнишнею мечтой.

Как будто изначальная
Означилась струя.
Прозрачная, хрустальная,
Поет мечта моя.

Бубенчики весенние
На сказочном лугу.
Душа моя все пленнее,
Быть вольным не могу.

В неволе я сияющей,
Бубенчики поют.
Я тающий, мечтающий,
В душе один уют.

Она в немом цветении
В играющем огне,
И кто-то в отдалении
Родной спешит ко мне.

Мерцающие венчики
Мне льют медвяный яд.
И слышу я, бубенчики
За лесом там звенят.

КУПАЛЬНИЦЫ

Вам первое место, купальницы,

В моем первозданном саду.
Вы зорь золотых усыпальницы.
Зовете. Глядите. Иду.

Вы малые солнца болотные,
Вы свечи на свежем лугу.
Кадила вы нежно-дремотные.
От детства ваш лик берегу.

Чуть глянете, вы уже маните,
Чуть вспыхнете, вами горишь.
Весну возвещать не устанете,
Зажжете осеннюю тишь.

Вы дышите, сон свой колышете,
Зарю возвращая заре.
И исповедь нежную слышите,
Что сладко любить в Сентябре.

УТРО

Светлый, бодро
Утро встретить.
Звонки ведра, –
В них не медь.

В них не золото, –
Серебро.
Путь возврата –
Лишь в Добро.

Путь возврата –
От зари
До заката –
Янтари.

Зерна четок,
Семена.
Тем, кто кроток,
Жизнь дана.

В блесках связность
Хрустал ей.
Всю алмазность
Щедро лей.

Вылив людям
Полноту,
Мы отбудем

За черту.

Из иного, –
Взяты сном, –
Золотого
Там испьем.

И дождями
Бросив мост,
Будем сами
В сонмах звезд.

АЛТАРЬ

Разбросала в глубинностях Неба рука неземного Художника
Это пиршество пламенных зорь, перламутровых зорь и золотых,
Изумрудных, опаловых снов, и, воздвигши алтарь для всебожника,
Возжигает в душе песнопенья, и волны слагаются в стих.

Далеко, широко, высоко, далеко, глубоко, в бесконечности,
И таинственно-близко, вот тут, загорелась и светит свеча,
Человек человеку шепнул, что чрез Бога достигнет он Вечности,
Человек восприял Красоту, и молитва его горяча.

СИРИУС

Ослепительный, как Солнце, южный Сириус горит,
Правит воинством окрестным звезд столпившихся кругом.
Я душой слагаю плиты светлоцветных пирамид.
Тишь в ночи, но в глуби Моря спит, до часа, тайный гром.

И как будто в Океане, там в глубокой глубине,
Чары таинства свершились, и выходят из громад,
В звездной свите, Фараоны, чьи венцы горят в огне,
Чьим воленьем звезды Мира о Египте говорят.

В НОЧАХ

Далеко от минутных разговоров и споров,
Я следил за теченьем хороводных светил.
Там, где храмы возникли лучше наших соборов,
Там, где звезды качает в вековечности Нил.

И казалось мне странным, что живу я на свете,
Что я снова и снова в преходящем бреду.
И с высокого Неба, в переплеске столетий,
Закликали созвездья – в хоровод свой – звезду.

НОЧНЫЕ ВОЛШЕБСТВА

Я взял полумесяцы, месяцы, и самые круглые луны,
И самый утонченный серп, и самый заполненный диск,
И в звоны вложил многозвездия, и молнии вбросил в буруны,
И вот я в Пустыне стою, застывший в ночи обелиск.

Заключаяем ночного кудесника взметнул я до звезд песнопенья,
Но брызги напевов земных едва достигли до них,
От грани до грани Пустынности дрожит звуковое свеченье,
Но вечно, пока человек, я только оборванный стих.

ИЗВИВ

Если гирляндой гремучей
В Небе ты молнии свяжешь,
Если ты властен над тучей,
Ты Громовержец тогда.

Все же ты, снова и снова,
Нам никогда не расскажешь,
Есть ли без боли живого,
В Небе золотая звезда.

ПУСТЫНЯ

Ни зверей, ни змей, ни птиц,
Ни манящих глаз растений.
Прах песчаный без границ,
Облачков случайных тени.

И ползучий шелест-шум
Угрожает: – Здесь могила.
То – воронкой встал самум,
То – бесовское сверлило.

Лишь верблюжьей черепа,
Знак томлений каравана,

Говорят, что есть тропа,
Выход к жизни из дурмана.

СТЕПНОЙ ВЕТЕР

Ветер жгучий и сухой
Налетает от Востока.
У него как уголь око
Желтый лик, весь облик злой.
Одевается он мглой,
Убирается песками,
Издевается над нами,
Гасит Солнце, и с Луной
Разговор ведет степной.

Где-то липа шепчет к липе,
Вздрыгнет в лад узорный клен.
Здесь простор со всех сторон,
На песчаной пересыпи
Только духу внятнЫй звон: –
Не былинка до былинки,
А песчинка до песчинки,
Здесь растенья не растут,
Лишь пески узор плетут.

Ходит ветер, жжет и сушит,
Мысли в жаркой полутьме,
Ходит ветер, мучит души,
Тайну будит он в уме.
Говорит о невозвратном,
Завлекая за курган,
К песням воли, к людям ратным,
Что раскинули свой стан
В посмеянье вражЬих стран.
Желтоликий, хмурит брови,
Закрутил воронкой прах,
Повесть битвы, сказку крови
Ворошит в седых песках.
Льнет к земле как к изголовью,
Зноем носится в степи.
Поделись своею кровью,
Степь нам красной окропи!
Вот в песок, шуршаний сухо,
Нож я, в замысле моем,
Вверх втыкаю лезвием.
Уж уважу злого духа!
Вместе песню мы споем.
Кто-то мчится, шепчет глухо,
Дышит жаром, и глаза

Норовит засыпать прахом,
Укусил огнем и страхом,
Развернулся как гроза,
Разметался, умалился,
С малой горстью праха слился,
Сеет, сеет свой посев,
Очи – свечки, смерчем взвился,
Взвизгнул, острый нож задев.
И умчался, спешный, зыбкий,
Прочь за степи, в печь свою.
Я ж смотрю, со злой улыбкой,
Как течет по лезвию
Кровь, что кровь зажгла мою.

СЕРДЦЕ

– Сердце капризное, что тебе нужно?
С миром зачем бы не жить тебе дружно?
Хочешь, заря заблестит тебе ало?
– Нет, я хочу, чтоб сияла жемчужно.
– Хочешь покоя? – Мне этого мало.
– Хочешь, чтоб ты хоть на миг задремало?
– Нет, чтобы буря раскинулась вьюжно.
– Сердце, твое поведение – злое.
– Знаю, но я уж от века такое.

ТАМ

Батюшка шатер,
Матушка ладья.
Гей, коня скорей,
Будет веселей,
Отдохнет весло.
Хочешь пить, так пей,
В разуме светло.
Знал я весь простор,
Снова с вами я,
Матушка ладья,
Батюшка шатер.
Порешите спор,
Для житья-бытья.

Небом дан шатер,
Влагою – ладья.
С Месяцем ночным
Дней уходит дым.

Снова по степям,
По горам крутым.
Счастье там, вон там.
Твой маяк – твой взор,
Даль – жена твоя.
Уплывай, ладья,
Догорай, шатер.
Батюшка шатер,
Матушка ладья.

СДВИГ

Парус, вздутый знак крыла
Буревестника седого.
Море – вольностей, суша – зла,
Влага – смелых снов основа.

Мачта, укрепленный упруг,
Лик упрямого стремленья.
Глянь на Север, глянь на Юг,
Взяв стрелу, люби пронзенье.

В глубь идущее весло,
Брызги с весел, всплеск веселый.
Мысли кружатся светло,
Как над лугом вешним пчелы.

Лодка, рыбина морей,
Ходкий дом, без связи дома.
Ветер с Севера, скорей,
То изжито, что знакомо.

Ветер дружный, поспешай,
От усилья вздулись жилы,
Здравствуй, Море, вечный Май,
Мир вам, дальние могилы.

ПРАЗДНИК ЖИЗНИ

Мой праздник Жизни, праздник ласки –
В году, конечно, высокосном.
Я ладаном оваян росным,
Родился я в лазурной сказке.
Я в нескончаемой завязке
Непостижимостей Судьбы.
Я тот, кто шествует без маски,

За мной – свершители борьбы,
Мои взнесенья и паденья,
Мой сложный знак освобожденья, –
В игрании праздничной трубы.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Неужели четверть века
Что-нибудь,
Для такого человека,
Пред которым дальний путь!
О, неправда! Это шутка.
Разве я работник? Нет!
Я лишь сердцем, вне рассудка,
Жил – как птица, как поэт,
Я по снегу первопутка
Разбросал, смеясь, свой след.
Я порою тоже строю
Скрепки нежного гнезда.
Но всегда лечу мечтою
В неизвестное Туда.
Все же, милых покидая,
Милых в сердце я храню,
Сердцем им не изменю.
Память – горница золотая,
Верь крылатым – и Огню!

НА СТАРЫХ КАНАТАХ

На старых канатах, издевавших бурю и брызги соленой волны,
Сажу я, гляжу я, а Солнце нисходит на скалах своей вышины,
Одетое в пурпур, в светлейший, чем Тирский, добытый царям, багрянец,
Оно поспешает, в разлитии блесков, дать вечеру пышный конец.
И темные мачты, и серый мой парус, и след по воде от руля,
Облиты горением, в пожаре минуты, торопящей бег корабля,
По водам, покрывшим отроги Лемурий, и башни былых Атлантид,
Багряное Солнце, в кипении лавы, в сверканьи мгновенья, горит.

ЧАСТЬЮ-ЧАСТИЦЕЙ

Частью-частицей морей и ветров и ночей и рассветов
Стал я в ветрах, вечерах, и морях, и рассветах, и снах.
Сердце у волн и у зорь, в багряницу и в солнце одетых,

Просит ответов, и белою чайкой мелькает в волнах.
Частью-частицей морей, вечеров, и ветров, и закатов
Стал я в морях, и ночах, и ветрах, и закатах златых.
Хочется рифм, и созвучий неверных, ошибкой богатых,
Взлетов и скатов, чтоб лился и бился весь брызжущий стих.

ЛИШЬ

Я с бакланом,
Быстрым, черным,
По морям лечу.

Я туманом,
Бесповторным,
Бью уют лучу.

И лучами,
И волною,
Я пленен равно.

Лишь очами,
Только мною,
Миру жить дано.

ЛЕТУЧИЕ

Что пенно мелькает
Над пеной волны?
Что там возникает,
Как быстрые сны?

Летучие рыбки,
Как стаи стрекоз,
Как лепеты скрипки,
Как трепеты грез.

ДУРМАН

В моем саду цветет дурман,
И амариллис-белладонна.
В нем воздух странно полупьян,
В нем разум мыслит полусонно.
Поет мечтанье многозвонно: —

«Из дальних стран, из дальних стран,
Я к вам пришел, цветы влюбленья,
Мне новолунной ночью дан
Миг чарованья, усыпленья,
Здесь самый воздух точно пенье,
И у деревьев женский стан.
Непрерываемость забвенья!»

ТОНКИЙ БИСЕР

Тонкий бисер капелек росистых
На растеньи с множеством кистей.
В небесах лазурно-свеже-чистых
Тихий смех оконченных дождей.

Сердце-уводящая улыбка,
Хризолит ликующий разлит.
И вдали, за садом, чья-то скрипка
О далеких-близких говорит.

МАГЕЙ-АГАВА

Я магей восхваляю на гремучем тамтаме.
Встрепенулся напев – переклички струя.
Он зовется магей – за горами-морями,
И агавою – там, где отчизна моя.
Каждый лист – мощный меч, и с двумя острями,
И с насечкою игл на черте остря.
Хищный помысл блеснул, весь в иззубренной раме,
То растение – напев, а напев это – Я.

ЛУННЫЙ КЛАД

От волны к волне вспененной
Перекатный перехват.
Вечер лунный, тихозвонный,
В сердце тайный светит клад.

Я внимаю наклоненный
Говорливостям волны.
Вечер, грезой озаренный,
Слышит тайну глубины.

Зов доходит заглушенный,
В водных пропастях курган.
 Взрывом прошлым погруженный
 В безграничный Океан.

Многогласный гул сплетенный
В лунном свете внятен мне.
 От потопших – вознесенный,
 От глубинных – к вышине.

В ОКЕАНЕ

Солнце опять утонуло в Океане за влажною далью,
Облака – золотые твердыни, облачка – острова синевы.

Вспыхнули ризы лазури, расцветенною тают вуалью,
Головни отгоревших пожарищ, и обрывки горящей травы.

Это сгорело пол-мира, и окуталось в мантию тленья,
В Небесах даже смерть по-другому, – кто сгорел, тот мгновенно воскрес.

Пламени Вечери тайной, вся душа в торжестве преломленья,
И дрожат проступившие звезды, в вознесении синих Небес.

СО МНОЮ

Лунно окутанный, Солнцем одетый,
Верю в приметы, и знаю ответы.

Звездно обвенчанный с бездной ночью,
Всюду присутствую, будь же со мною.

Если ты спросишь мечтой тонко струнной,
Путь покажу тебе вольный и лунный.

Если натянешь ты струны сильнее,
Путь тебе дам я лазурного змея.

Будешь на Севере, будешь на Юге,
С Солнцем двусветным, в законченном круге.

Сердцем обнимешь росинку и горы,
Будут твои всеобъятными взоры.

Будь же со мною, крещу я Луною,
В солнечных зорях все тайны открою.

ЖЕМЧУЖИНА

Посмотри, в просторах матовых потухающей зари
Есть жемчужинка, которая засветилась изнутри.
Это – та лампада вечная, неразлучная со мной,
Что горит звездой Вечернею над изогнутой Луной.

Ах, от острого и нежного, тонко-белого Серпа
К дням минувшим означается еле зримая тропа.
Вижу тихую я детскую, луч лампады в пляске снов,
И грядущее мерещится – там – как нитка жемчугов.

В ДЫМКЕ

Флейты звук, зоревой, голубой,
Так по детскому ласково-малый, –
Барабана глухой перебой, –
Звук литавр, торжествующе-алый, –
Сонно-знойные звуки зурны, –
И дремотность баюканий няни, –
Вы во мне, многозвонные сны,
В золотистом дрожащем тумане.

ТАЛИСМАН

В сердце дремлет талисман,
Точно дальний ропот Моря, –
Я звездою осиян,
Я живу с Судьбой не споря.

Я внимаю каждый час
Не словам людей случайным,
В сердце слушаю рассказ,
Где сияют тайны тайнам.

Потому среди людей
Я всегда лучом отмечен, –
Полюс мыслей и страстей,
Верный в верном, верным встречен.

НА ГРАНИ

Я держу себя на грани
Обольстительных безумий,
В нежно-радужном тумане,
Между волн, в поющем шуме.

В гуле тающих веселий,
Бросив мысль во власть зарницы,
Я в лазурной колыбели,
Я в чертоге Райской птицы.

МУЗЫКА

Когда и правая и левая рука
Чрез волшебство поют на клавишах двуцветных,
И звездною росой обрызгана тоска,
И колокольчики журчат в мечтах рассветных, –

Тогда священна ты, – ты не одна из нас,
А ты как Солнца луч в движении тумана,
И голос сердца ты, и листьев ты рассказ,
И в роще дремлющей идущая Диана.

Всего острее поет в тебе одна струна,
Чрез грезу Шумана и зыбкий стон Шопена.
Безумие Луны! И вся ты – как Луна,
Когда вскипит волна, но падает как пена.

СТРАСТЬ

Страстью зачался мир,
Страсть – в ясновиденьи глаз,
Страсть – в многозвонности лир,
В страсти – костер для нас!

Страсть – волшебство слепоты,
Не боящейся в пропасть упасть,
Страсть это ждущая ты,
Славьте слепую страсть!

ТОНКИЙ СТЕБЕЛЬ

Ты вся – воплощенье поющей струны,
И есть в тебе отсвет Луны,
Ты – звонкая.
Но также ты – тихий смолкающий звон,
И мнится, безгрешно влюблен
В ребенка я.

Я тонкое тело твое полюбил,
Как свет и бряцанье кадил,
Внесенное.
Но жду я, чтоб, детскость свою потеряв,
Ты стала – травинка меж трав,
Зажженная.

ДЕВУШКЕ

Тебя я видел малою травинкой,
С тобой играл несильный луч весны.
Чуть выставясь над ослабевшей льдинкой,
Тянулась ты, желая вышины.

Тебя я видел стеблем истонченным,
Для бледных снов сполна ушедшим в рост.
Но кубком грез, еще не расцвеченным,
Земной звездой была ты между звезд.

И вот мечты, как в сонном улье пчелы,
Раскроют завтра к Солнцу лепесток.
И я увижу нежащий, тяжелый,
Склонившийся, желающий цветок.

ПЧЕЛЫ НЕ ЗНАЮТ

Пчелы не знают, что люди придут,
Что им и мир этот весь.
Мед благовонный, он близко, он тут,
Воск светлоцветный, он здесь.

В ветре качается лик ячменя,
Вздыбился волос его.
Дух его пьяный безумит меня,
Он же не знал ничего.

Ветер плясал для себя самого,
Всюду цветилась пыльца.

Ветер, он знает, я верю в него,
Жить я хочу без конца.

ВЕСЬ КРУГ

В первичной светлой влаге
Мерцание ресничек,
Невидимых глазам.
В ковре сплетенной ряски
Бесчисленность хотенья,
Зеленый цвет огня.

Исполнены отваги
Журчанья ранних птичек,
Скользящих по ветвям.
И ласковые глазки,
Твои, мое стремленье,
Лампады для меня.

Раскрылось Мирозданье,
Тяжелое алоэ,
И лотосы цветут.
Плывут гиппопотамы,
Летят в лазури птицы,
Веселье без конца.

Ты – радость и страданье,
И мы – одно и двое,
Мы сердцем – там и тут.
Мы выстроили храмы,
И звездные ресницы
К нам тянутся в сердца.

РАДУГА

Ты встала меж мною и Солнцем,
Ты стала моим Новолунием,
Я вижу сияющий призрак,
В глазах многозвездится сон,
Персты в ослепительных кольцах,
В душе перегудные струны,
Одежды твои словно ризы,
Люблю я, цветочно влюблен.

С тобою весной быть и летом,
И в осени быть многоспелой,

А Серп загорится ущербный,
Мы вместе изменим мечты.
Хочу я быть бабочкой светлой,
Хочу я быть птичкой запевшей,
Хочу быть сережкой на вербе,
А верба душистая – ты.

ЗВЕЗДНАЯ

Она была бледна, как звездные снега,
Она была нежна, как осень золотая,
На шее у нее мерцали жемчуга,
В ней греза дней жила, как лед, что спит не тая.

И то она была колдунья молодая,
И то была волной, что точит берега,
Всегда с собой одна, для каждого другая,
Забудет каждый с ней и друга и врага.

Улыбка у нее, скользя неуловимо,
Зарею нежила румяные уста, –
Глядишь, и с ней ли ты? Глядишь, она не та?

Живут созданья так из облачного дыма,
Так в ветре млеет зыбь весеннего листа,
Так Млечный Путь для нас горит неисследимо.

НАД ЧЕРТОЙ

Расцветилась ограда
Над последней чертой.
Красный лист винограда,
Клена лист золотой.
Нет зеленого сада
Над сафирной водой.

Лишь тяжелого бора
Зеленчак темноцвет,
До ложбин косогора,
С незапамятных лет,
В ту же краску убора
Многохвойно одет.

ПРЕСТОЛ МОЛНИИ

Я был листок,
Гонимый бурей.
Был в пляске ног
Блаженных гурий.

Я был как гром,
Огнем одетый.
Был водоем,
Грозой пропетый.

Как луч к лучу,
Я мчался к чуду.
И все лечу!
И чем я буду?

НА БАШНЕ

После лютиков весною,
Чуть зима падет на крыши,
Вновь себе я мыслью строго
Замок строгий, выше, выше.

Там, на башне одинокой,
Жду под Солнцем смерти света,
Говорю я с Тьмой стоокой,
Жду от Полночи ответа.

После ласковых блужданий,
Между легких горных склонов,
Я опять хочу рыданий
Человеческих циклонов.

И тогда мне знать отрада,
Что придет еще Аттила,
Что жива страстей громада,
И не вычерпана сила.

СТАЛЬ

Упружить сталь. Ковач, познай металлы,
Чтобгнулось и прямилось лезвие.
Тогда, взмахнув мечом, отметь: – «Мое!»
Тебе уступят Римляне и Галлы.

Построй дракон, Варяг. Ищи Валгаллы.
Кто хочет дали, тот пройдет ее.
В чужих морях узнает забытье.
Увидит лесовидные кораллы.

Сигурд, будь смел. Сигурд, срази врага.
Перед тобою карлики и гномы.
Пусть плуги на полях быком влекомы.

Но клад – тебе. Раздвинув берега,
Сожги дома, амбары, и стога.
Тебе – моря, и, в злате молний, громы.

В ГОСТИНОЙ

Я в гостиной стоял, меж нарядных, утонченных,
Между умных, играющих в чувства людей.
Средь живых мертвецов, меж романов оконченных,
Я вскричал всей душой потрясенной своей: –

«Есть ли где еще звери в могучем количестве?
Есть ли тигр королевский и смелые львы?
Есть ли где бегемот, в безмятежном величестве
Как коряга встающей из вод головы?»

СОН

Мой сон, хотя он снился мне как сон,
Был зрением, был чтением страницы,
Где, четкими строками закреплен,
Я жил, а дни мелькали как зарницы.

Там ростом в три сажени были птицы,
Сто красок изливал хамелеон.
Нет, тысячу. Существ живых станицы
Не ведали, что есть для черт закон.

Хвосты у жаб, – хвостаты были жабы, –
Внезапно превращались в жадный рот.
В боках тюленьих видел я ухабы.

Все становилось вдруг наоборот.
И даже мухи не были там слабы.
И даже счастлив каждый был урод.

МАУИ

В те дни, как не росла еще кокоа,
Змеящаяся пальма островов,
Когда яйцо могучей птицы моа
Вмещало емкость двух людских голов,
Жил Мауи, первотворец Самоа,
Певец, колдун, рыбак, и зверолов.

Из песен было только эхо гула
Морских валов, а из волшебств – огонь,
Лишь рыба-меч да кит да зверь-акула
Давали радость ловли и погонь,
Земля еще потока не плеснула,
В котором носорог и тигр и конь.

Тот Мауи был младший в мире, третий,
Два брата было с ним еще везде,
Огромные, беспечные, как дети,
Они плескались с Мауи в воде,
Крюки имели, но не знали сети,
И удили в размерной череде.

Вот солнцеликий Ра свой крюк закинул
И тянет он канат всей силой плеч,
Он брата Ру, второго, опрокинул,
Тот, ветроликий, хочет остеречь,
«Пусти свой крюк!», но Ра всей мощью двинул,
И выудил со смехом рыбу-меч.

Прошло с полгода. Удит Ру, ветрило,
Закинут крюк туда, где темнота.
Вот дрогнуло, пол-моря зарябило,
Не вытащит ли он сейчас кита?
Тянул, тянул, в руках двоилась сила,
Лишь плеск поймал акульего хвоста.

И минул год. Тринадцать лун проплыли.
А Мауи все время колдовал.
И против братьев укрепился в силе,
Велит – и ляжет самый пенный вал.
Пока два брата рыб морских ловили,
На дне морском он тайны открывал.

Закинул крюк он со всего размаха,
И потянул напряженный канат.
Вот дрогнула в глубинах черепаха,
Плавучая громада из громад,
И Ра, и Ру глядят, дрожат от страха, –
То остров был, кораллов круг и скат.

И с той поры плывет в морях каноа,
Певцы поют, и любят рыбаки.
Во мгле земли – скелеты мощных моа,
На небе – ток звездащейся Реки.
За знойным Солнцем нежится Самоа,
И в мелководьи бродят огоньки.

СЛОВО ПЕЩЕРНОГО ЖИТЕЛЯ

В дни как жил я жизнью горца, –
Покидая тайный грот,
Я с обветренных высот
Увидал Драконоборца.
Я шамана спросил: –
«Как зовется этот храбрый?»
Тот сказал: «У рыбы жабры,
У людей же – звон кадил.
У небесных пташек – крылья,
У зверей свирепый лик.
Этот храбрый мой двойник,
Он сражает без усилья.
Мысль всегда, узнав конец,
Хочет внешнего, отметин.
Этот призрак беспредметен,
Если ж хочешь, то – Боец».
Я ушел в свою пещеру,
Осудив его ответ.
Через двадцать сотен лет,
Как годам познал я меру,
Снова бросив тайный грот,
Глянул оком я дозорца,
И опять Драконоборца
Увидал с своих высот.
Тут я спрашивал сатира,
Как зовется он, – и сей
Мне отвечивал: «Персей,
Меткоруб во славу мира,
Убиватель он Горгон».
Кто-то вдруг вскричал в восторге:
«Лжет Сатир. Боец – Георгий».
И пошел по миру звон.
Воздух горный, воздух дольный
Фимиамный принял чад,
Слышу гномики бренчат,
Гул идет от колокольни.
В ульях бунт: украден воск.
Я ушел в свою пещеру,
Всяк свою да знает веру,

Из костей сосу я мозг.
А кухонные остатки
Я скопляю, как предмет
Изысканий дальних лет.
Знаю, игры мысли сладки.
Лет две тысячи пройдет,
И опять я оком горца
Поищу Драконоборца: –
Не означен масок счет.

ГОБЕЛЕН

1

Мгла замглила даль долины,
Воздух курится, как дым,
Тают тучи-исполины,
Солнце кажется седым,

Полинялый, умягченный,
Взятый мглою в светлый плен,
Целый мир глядит замгленный,
Как старинный гобелен.

2

Старик высокий,
Он самый главный,
Он одноокий,
То Один славный.

С древнейших пор он
Любил туманы.
Летал как Ворон
В иные страны.

Он был на Юге,
И на Закате.
Но лучше вьюги,
Родней быть в хате.

Он был в Пустыне,
И на Востоке.
Навек отныне
Те сны далеки.

С тем людом Ворон
Совсем несроден,

И снова Тор он,
И снова Один.

Все клады Змея
Похитил Север.
И ветер, вея,
Качает клевер.

И кто же в мире
Лукав, как Бальдер, –
Под вскрик Валькирий
Восставший Бальдер!

3

Ковры-хоругви. Мир утраченный.
Разлив реки, что будет Сеною.
Челнок, чуть зримо обозначенный,
Бежит, жемчужной взмытый пеною.

Веков столпилась несосчитанность.
Слоны идут гороподобные.
Но в верной есть руке испытанность,
Летят к вам стрелы, звери злобные.

Еще своих Шекспиров ждущие,
Олени бродят круторогие,
Их бег – как вихри, пламень льющие,
И я – не в Дьяволе, не в Боге я.

Я сильный, быстрый, неуклончивый,
И вяя тура мною скручена.
Напевы, взвейтесь, пойте звонче вы,
Душа желать – Огнем научена.

Мои прицелы заколдованы,
Мне мамонт даст клыки безмерные,
Моей рукою разрисованы
В горах дома мои пещерные.

4

Свистит проворная синица,
Что Море будто не зажгла.
Зажгла. Сожгла. Горит страница.
Сгорела. Мир кругом – зола.

И я, что знал весь пыл размаха,
И я, проникший в тайны стран,
Я, без упрека и без страха,

Я – призрак дней, а Мир – туман.

Не надо мне Индийских пагод,
Не надо больше Пирамид.
Созвездье круглых красных ягод
На остролисте мне горит.

Была весна. Сгорело лето.
И шепчут сны. Прядется тьма.
Но есть еще свирель Поэта.
Со мной жива – и Смерть сама.

ПЛАМЯ МИРА

1

Мы говорим, но мы не знаем,
Что есть воистину любовь.
Но если ты овейя раем,
Свое блаженство славословь.

И если взят ты поцелуем,
Что вот поет в твоей мечте,
Ликуй, – мы все светло ликуем,
Скользя на призрачной черте.

И та черта вдвойне прекрасна,
Затем, что тает, чуть представ.
Весна – пожар, душа – всевластна,
Красивы зори в море трав.

2

Помню я, в моей счастливой детской
Пела птичка, не синичка, канареечка.
Я простой мальчонка был; не светский,
Был зверенком, у зверенка есть лазеечка.

Я смотрел на луч на половице,
Как в окне он по-иному паутинится,
Как лампадка теплится в божнице,
Как в углу ручной мой еж лежит, щетинится.

Целый мир мне – малая кроватька,
Я зажмурюсь – свет в глазах играет красками,
Пляшут искры, все во мне загадка,
Каждый шорох шепчет тайну, манит сказками.

Там в саду жужжать не перестанут,
Точно струны, шмель тяжелый, пчелы с осами.
В кладезь вечный миги эти канут,
Месяц страсти встанет красный над утесами.

Правят миром страшные Старухи,
И давно уж не звенит мне канареечка.
Но любил я так – как любят духи,
Ах ты, птичка солнцеличка, златофеечка!

3

Тринадцать лет! Тринадцать лет!
Ужели это много?
Звучит напев, играет свет.
Узнать любовь в тринадцать лет!
Скажите, ради Бога.

Тринадцать лет! Тринадцать лет!
Ужели это мало?
Ведь вдвое – жизнь, когда – поэт,
И вдвое – мысль, и вдвое – свет,
И пенье крови – ало.

Товарищ раз пришел хмельной,
И не один, а с нею.
Ее оставил он со мной,
Уйдя, зажег весну весной,
И вот я пламенею.

Но кто ж та странная была,
Кого я обнял сладко?
Она была как мысль светла,
Хоть прямо с улицы пришла,
Гуляющая солдатка.

Но вот, хоть мной утрачен счет
Всех дрогнувших со мною,
Все ж стих мой верный воспоет
Того, с кем первый пил я мед,
Кто дал припасть мне к зною.

О, страх и сладость – вдруг упасть
С горы крутой, робея!
Восторг – впервые ведать страсть,
И цельным быть, и быть как часть,
Тесней, еще теснее!

Достоин любящий – венца,
И волен соколенок.
И с нежной бледностью лица

Она шептала без конца: –
«Мой милый! Мой миленок!»

Тринадцать лет! Тринадцать лет!
Мы в это время дети.
Но вот, чтоб ведать этот свет,
Готов я встретить пытку бед
Тринадцати столетий!

4

Я узнал твой тонкий очерк в дни пленительные, –
Дни Июня, мгла расцвета нежной рощи и сердец, –
В наши Северные сумерки медлительные,
Любил тебя, был юный, обожал, и был певец.

Кем была ты, чем была ты, чаровательница?
Тонкой девушкой невинной, и блудницею ночей?
Что ты пела? Что ты смела, пламедательница?
Поцелуй в твоём был взоре, поцелуй горячий, чей?

Вешний лес, еще застывший, жив подснежниками,
Снег растает, с днища прахов пламя выбросит цветы.
Нам Судьба в любви велела быть мятежниками.
Где бы ты мне ни явилась, счастье можешь дать лишь ты.

Я издревле плавал в безднах за сокровищами,
Уплывавшими в мечтанье, в посмеянье кораблю.
Слава, смелый, путь избравший – быть с чудовищами!
Слава тайне всех созвездий! Слава той, кого люблю!

5

Лишь между скал живет орел свободный,
Он должен быть свиреп и одинок.
Но почему ревнивец благородный
Убил любовь, чтоб, сократив свой срок,
Явивши миру лик страстей и стона,
Ножом убить себя? О, Дездемона!
Пусть мне о том расскажет стебелек.

А если нет, – пускай расскажет Этна!
Падет в солону искра незаметно,
Рубином заиграет огонек,
Сгорят дома, пылает вся столица,
Что строил миллион прилежных рук,
И, в зареве, все – шабаш, рдяны лица,
Тысячелетье – лишь напрасный звук,
Строительство людей – лишь тень, зарница.
Есть в Книге книг заветная страница,

Прочти, – стрела поет, ты взял свой лук.

Убийство и любовь так близко рядом,
Хоть двое иногда десятки лет
Живут, любя, и ни единым взглядом
Не предадут – в них сторожащий – свет.
И так умрут. И где всей тайны след!

В лучисто-длинном списке тех любимых,
Которые умели целовать,
Есть Клеопатра. На ее кровать
Прилег герой, чья жизнь – в огне и в дымах
Сожженных деревень и городов.
Еще герой. Миг страсти вечно-нов.
Еще, еще. Но кто же ты – волчица?
И твой дворец – игралищный вертеп?
Кто скажет так, тот глуп, и глух, и слеп.
Коль в мире всем была когда царица,
Ей имя – Клеопатра, знак судеб,
С кем ход столетий губящих содружен.
Ей лучшая блеснула из жемчужин,
И с милым растворив ее в вине,
Она сожгла на медленном огне
Два сердца, – в дымах нежных благовоний,
Любовник лучший, был сожжен Антоний.

Но где, в каком неистовом законе
Означено, что дьявол есть во мне?
Ведь ангела люблю я при Луне,
Для ангела сплетаю маргаритки,
Для ангела стихи свиваю в свитки,
И ангела зову в моем бреду,
Когда звездой в любви пою звезду.
Но жадный я, и в жадности упорен.
Неумолим. Все хищники сердец –
Во мне, во мне. Мой лик ночной повторен,
Хотя из звезд мой царственный венец.

Где нет начала, не придет конец,
Разбег двух душ неравен и неровен,
Но там, где есть разорванность сердец,
Есть молния, и в срывах струн – Бетховен.

Ты видал ли дождь осенний, ты слышал ли, как шуршит он, как змеится без конца?
Темной ночью нам не спится, ты слышал ли темной ночью, как струится дождь небес?
Ты считал ли, Расскажи мне, ты считал ли слезы сердца, что не знают слез лица?
Темной ночью ты узнал ли, темной ночью, сколько в сердце жгучих слов и тьмы завес?

Я был на охоте в родимом болоте,
 И выследил пару я птиц.
 Красивы все птицы в веселом полете,
 Красивы и падая ниц.

И вот я наметил, и в жажде добычи
 Красивую птицу убил.
 И тотчас же вздрогнул от жалобы птичьей,
 К повторности не было сил.

А быстрая птица, той птицы подруга,
 Совсем не боясь палача,
 И все сокращая очерченность круга,
 Летала, забвенно крича.

Мне стало печально от жалобы птичьей,
 И дважды я поднял ружье.
 Но сердце той птицы излитое в кличе,
 Сцепило все сердце мое.

И вот, не воззавши крылатого друга,
 Поняв, что убита любовь,
 Красавица ветра, любимица Юга,
 На кровь опрокинула кровь.

Внесенная птица, с пронзительным криком,
 Сложила два белых крыла,
 И пала близ друга, – в молчаньи великом, –
 Свободна, мертва, и светла.

Видение, похожее на сказку: –
 В степях стада поспешных антилоп.
 С волками вместе, позабыв опаску,
 Бегут, – и мчит их бешеный галоп.

И между них проворно вьются змеи,
 Но жалить – нет, не жалят никого.
 Есть час, – забудешь все свои затеи,
 И рядом враг, не чувствуешь его.

Превыше же зверей несутся птицы,
 И тонет в дыме – Солнца красный шар.
 Кто гонит эти числа, вереницы?
 Вся степь гудит. В огне. В степях – пожар.

Забыв себя, утратив лик всегдашний,
 Живое убегает от Огня.

Но брошу дом, прощусь с родимой пашней,
Лишь ты приди, ласкай и жги меня.

Нас гонит всех Огонь неизмеримый,
И все бегут, увидев страшный цвет.
Но я вступлю и в пламени и в дымы,
Но я люблю всемирный пересвет.

Его постичь пытаться я не стану,
Чтоб был Огонь, он должен петь и жечь.
Я верю солнцеликому обману,
В нем правда дней, в нем божеская речь.

И снова – Зло, и снова – звездность Блага,
От грома бурь до сказки ручейка.
Во мне пропела огненная влага,
Во мне поют несчетные века.

Земля с Луной, в неравном устремленьи,
Должны в мирах любиться без конца.
Влюбленный, лишь в томленьи и влюбленьи,
Певец высот узнает жизнь певца.

И я опять – у кратера вулкана,
И я опять – близ нежного цветка.
Сгорю. Сожгу. Сгорел. В душе – багряно.
Есть Феникс дней, что царствует века!

ЖУЖЖАНЬЕ СТРУН

И ты сломана будешь, Земля.
– Не скорби. – Да, и ты, даже ты.
– Не скорби. – О любви ли ты
будешь печалиться? – Огорчатся
на то, что покрыла собою
поверхность Воды? – Огорчатся
на длительность Времени?

Океанийская песнь

ХОЧЕШЬ ЛИ?

Свита моя – альбатросы морей,
Волны – дорога моя.
Солнце, родимого сына согрей,
Солнечный я.

Низко летит альбатрос и глядит,
Чертит могучим крылом.
Весь его четкий, захватистый вид
Резкий излом.

Это крыло – не крыло, ятаган,
Клюв его силен, как меч.
Птицу такую родил – Океан.
Хочешь с ней встреч?

Хочешь ли, хочешь ли, мир будет твой?
Грезу в себе затаи.
Крылья хотенья дружат с синевою,
Зори – твои.

ЦВЕТНАЯ РАКОВИНА

Цветная раковина, на сушу брошенная,
В песках молчит.
Но вверх приподнятая, но Ветром спрошенная,
Светясь, звучит.

И сердцу слышащему, лишь ей рассказанные,
Жужжанья струн
Сквозят глубинностями, тобой связанные
В напевы рун.

МАЛАЙСКИЕ ЗАГОВОРЫ

2. ЗАГОВОР О СТРЕЛЕ

Я спускаю стрелу, закатилась Луна,
Я спускаю стрелу, чаша Солнца темна,
Я спускаю стрелу, звезды дымно горят,
Задрожали, глядят, меж собой говорят.
Я не звезды стрелой поразил, поразил,
И не Солнце с Луной я стрелою пронзил.
Все в цветок мои стрелы вонзились, горят,
Я сердечный цветок поразил через взгляд.
Я стрелу за стрелою до сердца продлю,
Выходи же, душа, той, кого я люблю,
Приходи и приляг на подушку мою,
Я стрелою, душа, я стрелой достаю.

2. ЗАГОВОР ДЛЯ СЕРДЦА

Если ночью, при Луне,
Спишь, – как дух иди ко мне.
Птица, крылья разверни,
Дымка, стань в моей тени.
Куры сядут на насест,
Много в мире есть невест.
Столько в мире есть невест,
Сколько дней и сколько мест.
Эй, петух, скорее клюй,
Столько зерен, сколько струй.
Мир построен весь из струй,
Дай мне, радость, поцелуй.
Каждой двери слушай скрип,
Птице молви: Цып, цып, цып.
С сердцем хочешь воевать, –
К сердцу вблизи, и сердце хватъ.

3. ЗАГОВОР К ДУХУ ЗЕМЛИ

Мир с тобою, Дух Земли,
Мир с тобой, и мне внемли,
Дух Земли, ты с виду Бык,
Земный Демон, Дух-старик.
Бык, кем движется весь мир,
Приходи сюда на пир.
Угощение прими,
Мною разум обними.
Разум ворога смуди,
Замани и обольсти.
Поселись в его крови,
Навались и задави.

4. ЗАГОВОР К ТЕНЕВОМУ

Го! Ирупи, Теневой,
Дай Царице быть со мной.
Потревожь ее во сне,
Укажи бежать ко мне.
Потряси и встать заставь,
Обрати дремоту в явь.
Душу вынув из нее,
Душу в сердце вдунь мое.
Так чтоб к левой стороне
Прилегла она ко мне.
Го! Ирупи, Теневой,
Заговор исполни мой!

5. ЗАГОВОР О СТУПНЕ

– Среди примет ты видел след?
– Ступня ее. Сомненья нет.
– Из праха вырежь ту ступню,
И дай ее обнять огню.
Ее лизнет язык огня,
И станет слушаться ступня.
– А что потом? А как потом?
Ступню куда мы поведем?
– Возьмешь ты бережно тот прах,
И в трех его яви цветах.
Оденешь в красный лоскуток,
И подожди, да минет срок.
Оденешь в черный, завяжи,
Ступню в том черном поддержи.
И после в желтый лоскуток
Замкни, и выдержи зарок.
– А что потом? Горит ступня.
И пляшет, мучает меня.
– Потом цветную нить скрути,
К подушке ближе помести.
Ступню на занавесь повесь,
И в жаркой мысли медли весь.
Зеленый прутик отыщи,
Хлещи, семь раз ее хлещи.
При смене зорь, в полночный час,
Хлещи, хоть спи, хлещи семь раз.
И припевай: Любви ищу.
Не землю, сердце я хлещу.
– Смотри, дрожит, идет ступня,
Люби меня! Люби меня!

6. ЗАГОВОР ЛЮБОВНЫЙ

Черная ягода – имя твое,
Птица багряная – имя мое.
«Майя!» пропел я. Внемли,
Мысли ко мне все пошли.
Мною пребудь зажжена,
Любишь, и будь влюблена.
Будь как потеряна ночью и днем,
Будь вся затеряна в сердце моем.
Днем семикратно смутись,
В ночь семикратно проснись.
Быстро домой воротись.
Я говорю: «Ты моя!»
В Месяц ли глянь, – это я.

7. ЗАГОВОР ДЛЯ ПАМЯТИ

Я принес тебе вкрадчивый лист,
Я принес тебе пряный бетель,
Положи его в рот, насладись,
Полюбив меня, помни меня!
Солнце встанет ли, помни меня,
Солнце ляжет ли, помни меня!
Как ты помнишь отца или мать,
Как ты помнишь родимый свой дом,
Помнишь двери и лестницу в нем,
Днем ли, ночью ли, помни меня!

Если гром загремел, вспомяни,
Если ветер свистит, вспомяни,
Если в небе сверкают огни,
Вспомяни, вспомяни, вспомяни!
Если звонко петух пропоет,
Если слышишь как время идет,
Если час убегает за час,
И бежит и ведет свой рассказ,
Если Солнце идет за Луной,
Будь всей памятью вместе со мной.
Стук, стук, стук. Это я прихожу.
Стук, стук, стук. Я в окошко гляжу.
Слышишь сердце? В нем сколько огня!
Душу чувствуешь? Помни меня!

МАЛАЙСКИЙ КОСТЕР

Бросил клетку
Пламень, Апи.
Держит ветку
В красной лапе.

В изумруде
Цвет сметает.
В алом чуде
Зелень тает.

Когти красны,
Ветки смяты.
Будь, прекрасный,
Жив трикраты.

ВУАЛИ

Вы Малайки, вы Малаечки,
Любы ваши мне вуали.
Я на Русской балалаечке
Вам спою свои печали.

Ты, в вуали нежно-розовой,
Мысль вернула в утро Мая: –
С милой в роще я березовой
Был, любил, ее сжимая.

Ты, мерцаньями зелеными,
Говоришь мне о рассвете: –
Шел пастух вдали за склонами,
На свирели пел о лете.

Ты, что светями златистыми
Так сияешь мне напрасно,
Знай, что днями серо-мгlistыми
Я любил другую страстно.

Ты, огнями ярко-красными
Мне горящая напевно,
Верь, что ласками согласными
Отвечала мне царевна.

Что ж вы, что вы мне, Малаечки,
Пусть и нежны вы и юны?
Я на звонкой балалаечке
Сосчитал давно все струны.

РОТ

Ртом, от бетеля красным,
Ртом, от любви заалевшим,
Ртом, в страстях полновластным,
Ртом, как плодом созревшим, –

Она меня напоила,
Она меня заласкала,
И весь я – горящая сила,
И весь я – «Еще! Мне мало!»

ГАМЕЛАНГ

Гамеланг – как Море – без начала,
Гамеланг – как ветер – без конца.

Стройная Яванка танцевала,
Не меняя бледного лица.

Гибкая, как эта вот лиана,
Пряная, как губы орхидей,
Нежная, как лотос среди тумана,
Что чуть-чуть раскрылся для страстей.

В пляске повторяющейся – руки,
Сеть прядет движением руки,
Гамеланга жалуются звуки,
В зыбком лете вьются светляки.

Над водой, где лотос закачался,
Обвенчался с светляком светляк,
Разошелся, снова повстречался,
Свет, и мрак, и свет, и свет, и мрак.

Ход созвездий к полночи откинут,
В полночь засвечается вулкан.
Неужели звуки эти минут?
В этой пляске сказка вещей стран.

За горой звенит металл певучий,
Срыв глухой, и тонкая струна.
Гамеланг – как Смерть сама – тягучий,
Гамеланг – колодец снов, без дна.

НЕБЕСНЫЙ МОСТ

От мужского сердца к женскому
Есть один заветный путь,
К единению вселенскому,
Чтобы счастьем дохнуть.

Он небесными светилами
Предуказан навсегда: –
Меж двумя, друг другу милыми,
Две души – одна звезда.

Там за дымчатыми склонами
Верной мысль идет тропой,
И мерцаньями зелеными
Встречен отсвет голубой.

То сверканиями скорыми,
То сквозь мглу тягучих лет,
Понимающими взорами
Сердце сердцу бросит свет.

И в родной стране, единственной,
Где ласкающий язык, –
И в чужой стране, воинственной,
Где язык есть вражий крик, –

И от белого до белого,
И от белого к цветным, –
В должный час свершенья смелого
Брызжет свет и всходит дым.

Это с мыслью мысль встречается,
Замыкается звено,
Это дух с огнем венчается,
Это стали два – одно.

И различья их обманчивы
До своей дойдя черты,
И мерцанья их приманчивы,
Ты есть я, и я есть ты.

От сверкнувшего до ясного
Весть идет путем цветным,
И в огне свершенья страстного
Жертва есть, и светел дым.

ПЕСНЬ АННАМИТСКОГО СЛЕПЦА

Глаза мои – мертвые, сердце мое – живое,
Иду я в глубокой вечной ночи.
Но слышу я смех твой, и чудится Небо мне голубое,
Твой голос звучит, золотой колокольчик, от Солнца доходят лучи.
Люблю тебя, Солнце ночное.

Ты мне говоришь – Ты одна, нет супруга,
Нет никого, чтоб тебя веселить.
Иди же со мной, мне нарядная будешь подруга,
Вкруг шеи твоей жемчугов обовьется тройная тяжелая нить.
Пусть глазами тебя увидеть не могу я,
Я руками коснусь, мотыльком поцелую.

Я не слышу тебя. Ты ушла? Все ли здесь, близ певца ты?
Или тебя рассердили мои слова?
Дай мне тебя любить! Все цветы нам живые дадут ароматы.
Один человек печален, смеются, когда их два.
Дай мне любить, ты пойдешь предо мною,
Буду идти за звездой, тропинкой моею ночью.

ЗЕРКАЛО

Ширяют ласточки над зеркалом пруда.
Летят за мошками. Летают ради шутки.
Плывут от берега до берега две утки.
За ними длинная мерцает борозда.
Но вот уж кончилась игра мгновенной зыби.
И день окончился. Горит одна звезда.
Вечерний зов к душе. В неизвестное Туда.
Но подожду еще, к земной прикован глыбе.

ВЕНЕЦ

Глубокий пруд. Отлоги берега.
С вечерним ветром трепет влаги дружен.
Звезда, качаясь, нижет жемчуга.
Одна, и две, и пять, и семь жемчужин.
Тем ожерельем ум обезоружен.
И хочется, жемчужный свет дробя,
Рассыпать весь лучистый час забвенья
На зыбкие созвенные мгновенья,
Тем ожерельем увенчав тебя.

ЗА ВЗГЛЯД

Я полюбил тебя за взгляд
Звездообразной забывки,
За радость нежную минутки
Вдвоем, – о чем не говорят.
В одних цветах есть пряный яд,
В других есть запах слабый, тонкий, –
Так в плаче флейты нежнозвонкой
Чуть внятно звезды говорят.
И в стон свирели входят звоны
Лесных вершин во мгле ночной,
Родная даль, холмы, уклоны,
И малый цветик вырезной
Чад ручейковою волной.

В САДАХ

Бегала белочка. Белые голуби
Нежно ворковали.
Ты улыбалась мне. Снежные голуби
Крыльями свет нам свевали.

Хвост пушистый распустивши,
Белочка скакнула.
«Можно ль жить не полюбивши?»
Ты, блеснув, шепнула.

«Здесь в садах, в веках далеких,
Были мы когда-то: –
В этих снах голубооких
Я узнала брата.

Мой дружочек, женишочек,
Я с тобой венчаюсь: –
Я с тобою, голубочек,
Горлицей встречаюсь».

Бегала белочка. Дерево мерила,
В ропотах зеленого гула.
В жизнь бесконечную счастье верило.
В Вечность любовь заглянула.

ЕСЛИ Б!

Если б бабочкой ночной
Я в твой терем залетела,
Был бы счастлив ты со мной,
И во сне горело б тело,
Принимая в сонный строй
Трепет жизни огневой.

Если б знойною, звеня,
Залетела я цикадой,
Ты услышал бы меня,
Ты во сне шепнул бы: «Падай!
И прильни. И вплоть до дня
Мучь касанием огня!»

ЯЗЫК ЛЮБВИ

Язык любви есть листья, шорох листьев.
Вся шелестящая, сквозящая листва.
Как свет свевается с дрожащих спящих листьев,

Как извивается и зыбится трава!

От листьев к листьям – ласка, вспышки, всплески,
Лист ластится к листу и застит взгляд.
Смотри, смотри, как любятся березки,
Расслышь, расслышь, как листья шелестят!

КАК ЛИСТЬЯ

Журчали флейты. Рыдали скрипки.
И глухо пела виолончель.
Душа не видит своей ошибки,
Когда в ней чувства взметут метель.

Я видел пары. Кружились мерно.
И возвращались в свои круги.
« – Меня ты любишь? И это верно?»
« – Тебя люблю я». – «О, не солги».
Уста шептали слова печали.
Им отвечали слова огня.
« – Мы долго ждали». – «Мы так устали».
« – А ты откуда?» – «Из светлой дали».
« – Ты мне желанен». – «Целуй меня».

И целовались. И забывались.
Как листья в ветре, в лучах Луны.
Как змеи, звуки, блестя, свивались.
Я знаю правду! Я видел сны!

ОСТРОВ ЧЕТВЕРГА

Свежий день с зарею новой,
Светлый остров Четверга.
Здравствуй, остров Четверговый,
Вырезные берега.

Мы проплыли, и приплыли
В островной морской венец.
Ты ли знак давнишней были?
Я с тобою наконец.

Потонувшие вершины
Выдвигаются над дном.
Меж красивых ты – единый,
И лагунный цвет кругом.

Еле зримое растенье
Синий цветик на земле.
И селенье как виденье
Там далеко, там во мгле.

Дым ползет по красной крыше,
Легкий стелется туман.
А над Морем выше-выше
Возлетает пеликан.

Он седой как привиденье,
Но скользит к иному взгляд: –
Ожерельное сплетенье,
Гуси дикие летят.

Точно это Север милый,
Точно это журавли.
Сколько жизни! Сколько силы!
Тот, кто жив – свой миг продли!

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Австралийский черный лебедь на волне
Словно в сказке на картинке виден мне.

Настоящий, проплывает предо мной,
Весь змеиный, весь узорный, вырезной.

И воистину влечет мечту в игру
Настоящими прыжками кенгуру.

И в хранимом зачарованном прудке
Светят лотосы во влажном цветнике.

Голубеет эвкалипта стройный ствол,
Куст невиданной акации расцвел.

Как колибри, медосос припал к цветку,
Птица-флейта засвирелила тоску.

И хохочут зимородки по ветвям,
Словно в сказке, что сказали в детстве нам.

Только это все лишь малый уголок,
Громче пенья птиц на фабрике гудок.

Нет Австралии тех детских наших дней,
Вся сгорела между дымов и огней.

Рельсы врезались во взмахи желтых гор,
Скован, сцеплен, весь расчисленный, простор.

Там, где Черные слагали стройный пляс,
Одинокий белоликий волопас.

Там, где быстрая играла кенгуру,
Овцы, овцы, поутру и ввечеру.

Миллионная толпа их здесь прошла,
В холодильники замкнуты их тела.

Замороженные трупы увезут,
Овцы новые пасутся там и тут.

И от города до города всегда
Воют, копоть рассевая, поезда.

И от улицы до улицы свисток,
Вся и музыка у Белого – гудок.

Сами выбрали такой себе удел,
Что их белый лик так грязно посерел.

Обездолили весь край своей гурьбой.
Черный лебедь, песнь прощальную пропой.

СРЕДИ МАГНОЛИЙ

Среди пышноцветных магнолий,
К аллее могучих смоковниц,
К лужайке, где ствол баобаба,
Я вышел под Новой Луной.
А грезы о счастье и воле,
Как рой наклоненных любовниц,
Сияют и нежно и слабо,
Дрожат и плывут пеленой.

Но вот, как в мерцании слезок,
Я вышел мечтою к овражку,
И это величие тает,
И детский мне грезится день.
Хочу я родимых березок,
Влюблен в полевую ромашку,
И клевер в душе расцветает,
И в сердце звездится сирень.

ТИШЬ

Вот она, неоглядная тишь Океана, который зовется Великим, –
И который Моаной зовут в Гавайики, в стране Маори.
Человек островов, что вулканами встали, виденьем возник смуглоликим,
И кораллы растут, и над синей волной – без числа острова-алтари.

РАДУГИ

Много радуг семицветных
В Тихом океане.
Много в сердце слов ответных,
Светлых звезд в тумане.

Много в Небе, в Звездной Книге,
Божьих откровений.
Сердце, сбрось с себя вериги,
Будь в огне мгновений.

Пусть твои мгновенья малы, –
Будут в светлом стане,
Как коралловые скалы
В Тихом океане.

ВЕТЕР

Ветер доносится с гор,
Там он, и здесь, и нигде,
Мчится к земле и к звезде,
Роет простор,
Смял, наклоняя к воде,
Ивы плакучей убор.

Пляшет в древесной тени,
Рябь закрутил по реке,
Прячется там вдалеке,
Гасит огни,
Снова дохнул в тростнике,
Полям пошел... Догони!

ПРЕД НОЧЬЮ

Землядохнула зельями
Предночными. Вдали,
Зловещими ущельями,
Туманы поползли.

Загрязившими соснами
Пронзивши бирюзу,
Вершины дышат росными
Дыханьями внизу.

Все в полночь будет сковано
В один глухой объем.
Верховность зачарована,
В верхах родится гром.

ЧЕРЕДА

Белое облако – там.
Знают цвета череду.
Медь разошлась по краям.
Жду.

Дымчатый курится свет.
Копит разгром чернота.
Гуще возрастанье примет.
В ветре все свисты листа.

Раньше Вечерней звезды,
Взбрызнет, разрушивши грань,
Бешенство белой воды.
Глянь.

КАУРИ

Это домчался откуда,
Он из столетий каких,
Зов-перезвон изумруда,
Соснами сложенный стих?

Хвоями крытые горы,
Папорот-древо внизу,
Мхи словно цепкие воры,
Гибкую сжали лозу.

Справа и слева стремнины,
Стройно взлетели из мглы

Гор вековых исполины,
Каури гордой стволы.

Мхи не дерзнут к ним коснуться,
Горные сосны – цари,
Смолы с них желтые льются,
Ладан страны Маори.

ОСТРОВА

Я их видел, те взнесеня,
Из кораллов острова,
Круг и круг уединенья,
В них свершенность снов жива.

В Океане всешумящем
Бьют валы, свиваясь в жгут,
Здесь же зеркалом глядящим
Безглагольный круглый пруд.

И подобно как в металлы
Мы врезаем память дней,
Те атоллы, те кораллы
Ряд взошедших ступеней.

От великих гор незримых,
Что задернулись волной
И застыли в тихих дымах,
Знак восходит в мир дневной.

В наших днях, быть может лишних,
Доживаемых во сне,
Алый знак времен давнишних,
Потонувших в глубине.

ТЫ НЕ ВИДАЛ

Ты не видал, а я увидел воздушно-алые атоллы,
И должен был пропеть красивым напев дремотной баркароллы.

Ты не видал атолл, который взнесен в верховный воздух был
Лишь для того, чтоб я увидел намек на древний цвет и пыл.

И ты увидел, бледным взором, лишь белоцветные кораллы,
А я пришел Варягом смелым искать в морях моей Валгаллы.

И вот дохнул вулкан подводный, и был взнесен, на миг один,
Атолл багряный, чрез мгновенье ушедший в мир своих глубин.

КОРАЛЛОВЫЕ ОСТРОВА

Море как озеро, безглагольно-лагунное,
Пальмы как стражи стоят.
Что-то отшедшее, что-то звездное-лунное,
Дни однолики подряд.

Временем облако задымится опалами,
Там, на Небесном Пути.
В Вечность заброшены, мы пребудем усталыми,
Некуда больше идти.

ЛАГУНА

Цвет живой, как стебель нежный,
Что оваян легкой мглой,
Вышел к Солнцу, в мир безбрежный,
Но возвращен он под землей.

Изумруд преображенный,
Словно видимый во сне,
Круглых рифов мир затонный,
В ворожащей тишине.

Здесь не встанет вал, в качаньи
Пенно взвихренных минут,
Он в молитвенном молчаньи,
Просветленный изумруд.

Эта зелень покрывала
Влажно-призрачно светла,
И в него лазурь опала,
Изнутри светясь, вошла.

КРУГЛОЕ ЗЕРКАЛО

Лагунный атолл это луг заливной,
Он проснулся над синей волной,
За столетьями снов о луче золотом,
И о пальмах, возросших кругом.

Лагунный атолл – озерная страна
В Океане, где пляшет волна,
Это – круглое зеркало Звезд и Луны,
Чтоб взглянуть в глубину с вышины.

РИФ

Днем и ночью шумит неустанный бурун,
Ударяясь о риф.
И приходит прилив, и не может прилив
Забежать на пространство лагун.

Тот глухой перебой океанской волны
Вековечный псалом,
Он и ночью и днем нарастает кругом,
Как гуденье гигантской струны.

ОСТРОВ

Отроги потонувших гор
Взнеслись из мощной глубины,
Но не достигли до волны, –
Кораллы им сплели узор,
И в вышний воздух вышли сны
Подводной сказочной страны.

Атолл возник. Атолл хотел
Растений, звуков, стройных тел.
Свершилось. Кто-то повелел,
Чтоб был восполнен весь удел.

За много тысяч миль кокос
Упал и плыл.
Ковчег, он жизнь в себе донес,
Зачаток сил.

Его качала и несла
Волна морей,
Чтоб островная глушь была
Еще светлей.

В свой должный день, в свой должный час,
Есть миг чудес.
И пальма стройная взнеслась,
И вырос лес.

И к жизни жизнь, через моря,
Послала весть,
Отважным людям говоря,
Что остров есть.

ТОНГА-ТАБУ

Отъединенный остров,
Цветущие деревья,
Лучисто-сонный остров,
Застывшее кочевье.

Здесь зори светят зорям,
Передвигая время,
Над этим синим Морем
Улыбчивое племя.

В одном недвижимом чуде,
Забывши счет столетий,
Здесь счастливы все люди,
Здесь все они как дети.

Но странная здесь чара: –
Когда все спят, ночами,
Как будто клубы пара
Несутся над ветвями.

Как дьявольские клиры,
Скользят, спешат во мраке
Могучие вампиры,
Летучие собаки.

И носятся над садом,
Кружат над огородом,
Своим полночным взглядом
Приносят порчу всходам.

И кажется, что каждый
Здесь сон людской подслушан,
И, в жаре лютой жажды,
Неспелый плод закушен.

Но эти люди-дети
Собак ночных жалеют,
И ни за что на свете
Убить их не посмеют.

И снова день для смеха,

И снова ночью темной
Грабителей потеха,
И пир теней заемный.

ЗАВОРОЖЕННЫЕ

Тонга-Табу, Юг Священный, Край Завороженный,
Я люблю тебя за то, что ты лучисто-сонный.

Я люблю тебя за то, что все Тонганки рады
Пить душой напиток счастья, смехи и улады.

Я люблю тебя за то, что все Тонганцы – дети,
Всех блаженней, простодушней, всех светлей на свете.

Я люблю тебя за то, что вот тебя люблю я,
Потому что Тонга-Табу – счастье поцелуя.

РАССВЕТ

Рассветный свет по пламеням идет,
По облачным он разбросался кручам,
Пылает факел дня, вон тот и тот,
Багряный день велит зажечься тучам.
Повелевает пеньем звонких птиц,
Велит ручью смеяться в звонкой пляске,
Касается загрезивших ресниц,
И манит их раскрыться к новой сказке.

ПАЛЬМА

Пальма кокоа, прямая колонна,
В небе лазурном застыла взнесенно.

Листья, забывшие трепет усилья,
Словно гигантского коршуна крылья.

Очерк изваянный, пальма кокоа,
Лик твой есть остров, чье имя Самоа.

САМОА

Многозвездная ночь на Самоа,
Смуглоликие люди проходят,
И одни восклицают: – «Галёфа!»
И другие примолвят: – «Тофа!»
Это значит: – «Люблю тебя! Здравствуй!»
Также значит: – «Прощай! Ты желанный!»
Смуглоликие люди исчезли,
Их тела потонули в ночи.

Заливаются в ветках цикады,
Южный Крест на высотах сияет,
У коралловых рифов повторность
Многопевной гремучей волны.
Я далеко-далеко-далеко,
Разве мысль приведет меня к дому,
И не знаю, далеко ли дом мой,
Или здесь он на Млечном Пути.

САМОАНКЕ

Ты красива, Самоанка,
Ты смугла.
Но Севильская Испанка
Тоже капля, что пришла
Из кипящего котла.

Все вы, все островитяне –
Красота.
Все же я во вражьем стане.
Там в России, там в тумане –
Сердце, воля, широта.

САМОАНЕЦ

Вот высокий Самоанец,
Факел левой взяв рукою,
Правой сжал копьё.
И по взморью так проходит,
И в воде наметив рыбу,
Он ее гвоздит.

Он проходит в мелководьи,
А немного там подальше,
Где волна грозней,

Неумолчные буруны,
И акула, волком Моря,
Сторожит, следит.

Но не смеет эта ведьма,
Эта дьявольская кошка,
И живой топор,
Подойти к красавцу Моря,
Что направо и налево
Факел свой стремится.

ПАМЯТНИК

Базальтовые горы
В мерцаньи черноты,
Зеленые узоры
И красные цветы.

Поля застывшей лавы,
Колонны прошлых лет,
Замкнувшийся в октавы
Перекипевший бред.

Здесь кратеры шутили
Над синею волной,
Здесь памятник их силе,
Когда-то столь шальной.

Потухшие вулканы,
И в них озера спят,
По ним ползут лианы,
И пляшет водопад.

В ГОСТЯХ

Я сижу скрестивши ноги, я в гостях.
Мысль окончила на время свой размах.
Самоанский дом прохладный, весь сквозной.
Самоанский мой хозяин предо мной.

Он сидит, скрестивши ноги, на полу.
Так зазывчиво ленивит в сердце мглу.
На цыновках мы недвижимые сидим.
Миг спокойствия обычаем храним.

Свет бестрепетный, идет за часом час.

Греза шепчет зачарованный рассказ.
Убедительный рассказ в дремотной игле,
Что воистину есть счастье на земле.

ЛЕЛЕИ

Я зашел к Самоанцу испить.
Я не знал, что в единой минуте
Кто-то скрутит цветистую нить,
Чтобы сердце свирелилось в путе,
Научившись внезапно любить.
Я вступил словно в сказочный край.
Уронив свои косы, как змеи,
Самоанка шепнула: «Сияй.
Ты застигнут: Самоа – лелеи».
Это значит: «Самоа есть рай».

ПЛЯСКА

Говорят, что пляска есть молитва,
Говорят, что просто есть круженье,
Может быть, ловитва или битва,
Разных чувств – движеньем – отраженье.
Говорят... Сказал когда-то кто-то, –
Пляшешь, так окончена забота.
Говорят...

Но говорят,
Что дурман есть тонкий яд.
И коль пляшут мне Испанки,
Счастлив я,
И коль пляшут богоданки,
Девы, жены – Самоанки,
Тут – змея.

Вся хотение. Вперед.
Вся томленье. Воздух бьет.
Убегает. Улетает.
Отдается. Упадает.
Вся движением поет,
Птицы раненой полет.
Ближе, ближе. Вот смеется.
Ниже, ниже. Отдается.
Убеганьям кончен счет.
Я – змея.
Чет и нечет. Нечет, чет.

Я – твоя.

ТЕНЬ

Скользят вампиры, роняя тень,
Их тень чернее, чем тени пальм.
Бронею воли свой дух одень,
Закляты чары под тенью пальм.

Когда приплыл ты через моря,
Тебя охватит морская тишь,
Лелея душу, и говоря,
Что жизнь прекрасна, когда ты спишь.

И раз приплыл ты через моря,
На этот остров морских лагун,
Ты будешь таять, свечой горя,
Внимая пенью далеких струн.

Воспоминанье поет хорал,
Сомкнулись тени высоких пальм.
Ты привиденье, ты задремал,
Ты тень на тени взнесенных пальм.

МЕРЕЖА

Сонный дрозд, моим разбужен шагом,
Просвирелил птичий зов-вопрос.
Я мечтой склонился к старым сагам.

Дух ушел на сказочный откос.
Тихий гул промчался по оврагам,
Вихрь пришел, и весть душе принес.

ЛУННЫЙ КОВЕР

Она спросила прихотливо: –
«Зачем ты любишь так Луну?»
Я отвечал: – «Она красива.
И так бывало в старину,
Что все влюбленные – влюблялись
И в ту, чьим сердцем расцвечались,
И вместе с ней еще в Луну».

Она сказала: – «Я ревную».
Я отвечал ей: – «Что ж, ревнуй.
Я ж занавеску расписную
Тебе сотку, – и поцелуй
Любовь нам расцветит двойную».
Еще какой-то мне укор
Она измыслить захотела.
Но я сказал: – «Пустое дело».
И, прекративши с нею спор,
Ей лунный стал я ткать ковер.

КОГДА-ТО

Ветви зеленые брошены в воду,
К мирному ты прибываешь народу.
– Отдых дай кораблю. –

Хочешь объятий, ты хочешь лобзаний?
Женщины – вот. Притаились в тумане.
– Шепчут тебе «Люблю». –

Чаща зеленая. Смуглые жены.
С белым и белым. Забыты препоны.
– Все ж возвращаться час. –

В час возвращения, ссора минутки.
Выстрелы. Камни. Уж тут не до шутки
– Всех истребим мы вас! –

Пули спугнуть не могли смуглоликих.
Радость сражения в сердце у диких.
– Пляшут в руках пращи. –

Скрылись безумцы, что ждали добычи.
Вслед кораблю словно клекот был птичий: –
– Остров иной ищи! –

ЖЕМЧУГА

Тонга-Табу и Самоа – две жемчужины морей.
Тонга-Табу – круглый жемчуг в просветленьи изумруда,
А Самоа – жемчуг длинный в осияньи янтарей.
Но и Тонга и Самоа – только сказка, только чудо.

И не знаешь, где блаженство ты, пlying, найдешь скорей,
То пленяет Тонга-Табу, то влечет к себе Самоа.

Так от острова на остров я стремлюсь среди морей,
И плавучею змеею по волне скользит каноа.

ДРЕВО ГРУСТИ

На побережьи, в ярком свете,
Подошла ко мне она,
Прямо, близко, как Весна,
Как подходят к детям дети,
Как скользит к волне волна,
Как проходит в нежном свете
Новолунная Луна.

Подошла, и не спросила,
Не сказала ничего,
Но внушающая сила, –
Луч до сердца моего, –
Приходила, уходила,
И меня оповестила,
Что, слиянные огнем,
Вот мы оба вместе в нем.

«Как зовут тебя, скажи мне?»
Я доверчиво спросил.
И, горя во вспевном гимне,
Вал побережье оросил.
Как просыпанное просо,
Бисер, нитка жемчугов, –
Смех, смешинки, смех без слов,
И ответ на вскрик вопроса,
Слово нежной, юной: «Тосо!»
Самоанское: «Вернись!»

Имя – облик, имя – жало.
Звезды много раз зажглись,
Все ж, как сердце задрожало,
Слыша имя юной, той,
По-июньски золотой,
Так дрожит оно доньше,
В этой срывчатой пустыне
Некончающихся дней,
И поет, грустя о ней.

В волосах у юной ветка
С голубым была огнем,
Цветик с цветиком, как сетка
Синих пчел, сплетенных сном.
Тосо ветку отдала мне,
Я колечко ей надел.

Шел прилив, играл на камне,
Стаи рыб, как стаи стрел,
Уносились в свой предел.

Эта ветка голубая, –
Древо Грусти имя ей,
Там, где грусть лишь гостя дней,
Там, где Солнце, засыпая,
Не роняет на утес
Бледных рос, и в душу слез,
Там, где Бездна голубая
Золотым велела быть,
Чтобы солнечно любить.

ФИДЖИ

Последний оплот потонувшей страны,
Что в синих глубинах на дне.
Как крепость, излучины гор сплетены
В начальном узорчатом сне.

Утес за утесом – изваянный взрыв,
Застывший навек водомет,
Базальта и лавы взнесенный извив,
Века здесь утратили счет.

Гигантов была здесь когда-то игра,
Вулканы метали огонь.
Но витязь Небесный промолвил – «Пора»,
И белый означился конь.

Он медленно шел от ущербной Луны
По скатам лазурных высот,
И дрогнули башни великой страны,
Спускаясь в глубинности вод.

Сомкнулась над алой мечтой синева,
Лишь Фиджи осталось как весть,
Что сказка была здесь когда-то жива,
И в грезе по-прежнему есть.

И черные лица Фиджийцев немых,
И странный блестящий их взор –
О прошлом безгласно-тоскующий стих,
Легенда сомкнувшихся гор.

ПРАЗДНИК МИГА

В Новой сказочной Гвинее
У мужчин глаза блестящи,
И у женщин, умудренных
Пеньем крови, жарок взор.
Быстры девушки, как змеи,
Помню рощи, помню чащи,
Тишь лагун отъединенных,
С милой срывный разговор.

О, восторг согласной сказки,
Зыбь зажженной Солнцем дали,
Мысль, которой нет предела,
Пирамиды диких гор.
Грудки нежной Папуаски
Под рукой моей дрожали,
Тело смуглое горело,
Подошла любовь в упор.

Мы давно молились счастьем,
И бежав от глаз блестящих,
От очей бежав станицы,
Слили вольные сердца.
Так друг к другу жаркой страстью
Были кинуты мы в чащах,
Как летят друг к другу птицы,
Все изведать до конца.

Вот он, трепет настоящий,
Пенье крови, всем родное,
На высотах небосклона
Мысли Божьего лица.
Солнца глаз, огнем глядящий,
И в крылатой ласке двое,
Два парящих фаэтона,
Два горячие гонца.

НОВОЛУНЬЕ

Пальмы змеино мерцают в ночи,
Новая светит победно Луна,
Белые тянутся с неба лучи,
В сердце размерно поет тишина.

Тихо качаю златую мечту.
Нежность далекая, любишь меня?
Тонкие струны из света плету,
Сердце поет, все тобою звеня.

Я отделился за крайность морей,
Смело доверился я кораблю.
Слышишь ли, счастье, душою своей,
Как я тебя бесконечно люблю!

УПЛЫВАЕТ КОРАБЛЬ

Уплывает корабль, уплывает, восставая на дальней черте,
И прощально печаль мне свежает, оставляя меня в темноте.
В полутьме, озаренной по скатам и растущей из впадин холмов,
Он уплыл, осиянный закатом, уходя до иных берегов.

Вот он срезан водой вполювину. Вот уж мачты содвинулись вниз.
Вот уж мачты маячат чуть зримо. С воскуреньями дыма слились.
Он уплыл. Он ушел. Не вернется. Над вспененной я стыну волной.
Чем же сердце полночно зажжется? Или мертвой ущербной Луной?

ТРОФА́

Прощальный марш играют в бесконечности,
Ты слышишь ли его?
Я слышу. Да. Прости, мои беспечности.
Погасло торжество.

Ушел от нас в ликующей багряности,
Нам радостный пожар.
Он скрылся там, без нас, в безвестной пьяности
Влюбленно-алый шар.

И мы следим в седеющей туманности,
Где сладко так «Люблю»,
Чтоб в верный путь не впуталось нежданности
И нам, и кораблю.

ДУХ ТРЕВОЖНЫЙ

Мной владеет жар тревоги,
Он ведет мою мечту.
Люди медлят на пороге,
Я сверкаю на лету.

Мной владеет дух тревожный,

Ранит, жалит, гонит прочь.
Миг касанья – праздник ложный,
Тут нельзя душе помочь.

Манит берег неизвестный,
Восхотевший досягнуть: –
Мир широк был – стал он тесный.
Замер Моря дальний гул.

В путь, моряк. В иные страны.
Стань, глядящий, у руля.
Сказку ткут в морях туманы.
Свежесть в скрипах корабля.

Это я водил круженья
Финикийских кораблей,
И людские достижения
Разбросал среди морей.

Скандинавские драконы,
Бороздившие моря,
Я, презревший все законы,
Вел, как день ведет заря.

Мной живут в Океании
Вырезные острова,
Мной живут пути морские,
Только мною жизнь жива.

ПРАЗДНИК ВОСХОДА СОЛНЦА

1

Семь островов их, кроме Мангайи,
Что означает Покой,
Семь разноцветных светятся Солнцу,
В синей лагуне морской.
В сине-зеленой, в нежно-воздушной,
Семь поднялось островов.
Взрывом вулканов, грезой кораллов,
Тихим решеньем веков.
Строят кораллы столько мгновений,
Сколько найдешь их в мечте,
Мыслят вулканы, сколько желают,
Копят огонь в темноте.
Строят кораллы, как строятся мысли,
Смутной дружиной в уме.
В глубях пророчут, тихо хохочут,
Медлят вулканы во тьме.

О, как ветвисты, молча речисты,
Вьются кораллы в мечте.
О, как хохочут, жгут и грохочут
Брызги огней в высоте.
Малые сонмы сделали дело,
Жерла разрушили темь.
Силой содружной выстроен остров,
Целый венец их, – их семь.

Семь островов их, кроме Мангайи,
Что означает Покой.
Самый могучий из них – Раротонга,
Западно-Южный Прибой.
Рядом – Уступчатый Сон, Ауау,
Ставший Мангайей потом,
Сказкой Огня он отмечен особо,
Строил здесь Пламень свой дом.
Литутаки есть Богом ведомый,
Атиу – Старший из всех.
Мауки – Край Первожителя Мира,
Край, где родился наш смех.
Лик Океана еще, Митиаро,
Мануай – Сборище птиц.
Семь в полнопевных напевах прилива
Нежно-зеленых станиц.
Каждый тот остров – двойной, потому что
Двое построили их,
Две их замыслили разные силы,
В рифме сдвояется стих.
Тело у каждого острова зримо,
Словно пропетое вслух,
С телом содружный, и с телом отдельный,
Каждого острова дух.
Тело на зыбях, и Солнцем согрето,
Духу колдует Луна,
В Крае живут Теневом привиденья,
Скрытая это страна.
Тело означено именем здешним,
Духам – свои имена,
Каждое имя чарует как Солнце,
И ворожит как Луна.
Первый в Краю Привидений есть Эхо,
И Равновесный – второй.
Третий – Гирлянда для пляски с цветами,
Нежно-пахучий извой.
Птичий затон – так зовется четвертый,
Пятый – Игра в барабан,
Дух же шестой есть Обширное войско,
К бою раскинутый стан.
Самый причудливый в действии тайном,
Самый богатый – седьмой,
С именем – Лес попугаев багряных,

В жизни он самый живой.

Семь этих духов, семь привидений,
Бодрствуя, входят в семь тел.
Море покличет, откликнется Эхо,
Запад и Юг загудел.
Все же уступчатый остров Мангайя,
Слыша, как шепчет волна,
Светы качает в немом равновесьи;
Мудрая в нем тишина.
Эхо проносится дальше, тревожа
Нежно-пахучий извой,
Юные лики оделись цветами,
В пляске живут круговой.
Пляска, ведомая богом красивым,
Рушится в Птичий Затон,
Смехи, купанье, и вскрики, и пенье,
Клекот, и ласки, и стон.
В Море буруны, угрозные струны,
Волны как вражеский стан.
Войско на войско, два войска обширных,
Громко поет барабан.
Только в Лесу Попугаев Багряных
Клик, переклик, пересмех.
Эхо на эхо, все стонет от смеха,
Радость повторна для всех.
Только Мангайя в дремоте безгласной
Сказке Огня предана.
Радостно свиты в ней таинством Утра
Духов и тел имена.

2

Ключ и Море это – двое,
Хор и голос это – два.
Звук – один, но все слова
В Море льются хоровое.

Хор запекает,
Голос молчит.

«Как Небеса распростерты,
Крылья раскинуты птиц
Предупреждающих.
В них воплощение бога.
Глянь: уж вторые ряды, уж четвертые.
Сколько летит верениц,
Грозно-блистающих.
Полчище птиц.
Кровью горит их дорога.
Каждый от страха дрожит, заглянув,

Длинный увидя их клюв».

Хор замолкает,
Голос поет.

«Клюв, этот клюв! Он изогнутый!
Я птица из дальней страны,
Избранница.
Предупредить прихожу,
Углем гляжу,
Вещие сны
Мной зажжены,
Длинный мой клюв и изогнутый.
Остерегись. Это – странница».

Хор запекает,
Голос молчит.

«Все мы избранники
Все мы избранницы,
Солнца мы данники,
Лунные странницы.
Клюв, он опасен у всех.
Волны грызут берега.
Счастье бежит в жемчуга.
Радость жемчужится в смех.
Лунный светильник, ты светишь Мангайе,
Утро с Звездой, ты ответишь Мангайе
Солнцем на каждый вопрос».

Хор замолкает,
Голос поет.

«Ветер по небу румянность пронес,
Встаньте все прямо,
Тайна ушла!
Черная яма
Ночи светла!
Лик обратите
К рождению дня!
Люди, глядите
На сказку Огня!»

Хор запекает,
Голос молчит.

«Шорохи крыл все сильней.
Птица, лети на Восток.
Птица, к Закату лети.
Воздух широк.
Все на пути.
Много путей.

Все собирайтесь сюда».

Хор замолкает,
Голос поет.

«Звезды летят. Я лечу. Я звезда.
Сердце вскипает.
Мысль не молчит».

Хор запекает,
Голос звучит.

«Светлые нити лучей все длиннее,
Гор крутоверхих стена все яснее.
Вот Небосклон
Солнцем пронзен.
В звездах еще вышина,
Нежен, хоть четок
Утренний вздох.
Медлит укрыться Луна.
Он еще кроток,
Яростный бог.
Солнце еще – точно край
Уж уходящего сна.
Сумрак, прощай.
Мчит глубина.
Спавший, проснись.
Мы улетаем, горя.
Глянь на высоты и вниз.
Солнце – как огненный шар.
Солнце – как страшный пожар.
Это – Заря».

АТОЛЛЫ

Атоллы зеленые,
Омытая утром росистым гора,
В сне сказочном.

Атоллы-оазисы,
В лазурной – и нет – в изумрудной воде,
Внесенные.

Кораллы лазурные,
И белые-белые диво-леса,
Подводные.

Кораллы пурпурные,
Строители храмов безвестных глубин,

Скрепители.

Атоллы-вещатели,
Связавшие тайность и явность Земли,
В их разности.

Из бездны изведшие
Потонувших в глубинах на вольную высь,
Для счастья.

ЗОЛОТОЕ ЯЙЦО

Корми – как Земля кормит,
учи – как Земля учит, люби –
как Земля любит.

Русская поговорка

ЗОЛОТОЕ ЯЙЦО

Из золотого яйца,
Чуть разобьются скорлупы,
Солнце выходит в наш мир.

Жизнь молода без конца,
Вовсе не мертвые – трупы,
В травах готовится пир.

Свадебно вспыхнут цветы,
Взорам открыты расцветы,
Сердце – горячий цветок.

Милая, слышишь ли ты?
Всем есть вопросам ответы,
Стебли зажгли нам намек.

ЧЕТВЕРО СВЕТЛЫХ

Полдень и Полночь, Заря и Закат,
Было их, светлых, четыре.
Утром Заря поднимала набат,
Счастью звонила быть в мире.

В мантии огненной Западный брат
Ей откликался вечерней.
Кровь проливать для желанной был рад,
Вил он гирлянды из терний.

Полдень всегда устремлялся на Юг,
Нежил зеленые стебли.
Быстрым потоком прорезавши луг,
Был там он в радости гребли.

Полночь ковала серебряный круг
Из непослушных светлянок.
И, набросав звездоогненных дуг,
К Пламенным шла спозаранок.

ВОЛШЕБНЫЙ ТЕРЕМ

На самом крае света,
Где красный пламень, Солнце,
Из синей Бездны всходит,
Как утренний цветок, –
Есть терем златоверхий,
На нем четыре башни,
На башне по оконцу,
У каждой есть глазок.

Одно оконце красно,
Как красная калина,
Другое голубое,
Как утром небеса,
И третье белоснежно,
Как самый белый бархат,
Четвертое золотое,
Как осенью леса.

И под оконцем белым
Есть пташка перевозимья,
Снегирь там красногрудый,
Он оттепель зовет.
И над оконцем синим
Там жаворонок звонкий,
Пред золотым – синица,
А в красном – кровь течет.

В том красном – все чудное,
Петух поет про утро,
Огонь поет про счастье,
Придет, мол, в должный срок.
И из того оконца

Пожаром рвутся птицы,
И Солнце, пламень красный,
Возносит свой цветок.

ДЕНЬ И НОЧЬ

День кольцом и Ночь колечком
Покатились в мир,
К этим малым человечкам,
На раздольный пир.
Ночь – колечко с камнем лунным,
День – весь золотой.
И по гусям сладкострунным
Звон пошел литой.
Льется, льется День златистый,
И смеется Ночь.
От людей огонь лучистый
Не уходит прочь.
День и Ночь, смеясь, сказали: –
«Вот покажем им».
В светлом пиршественном зале
Коромыслом дым.
Месяц в Небе, в Небе Солнце,
Светы пить так пить.
На заветном веретенце
Все длиннее нить.
Месяц тут, – но не приходит
С круторогим Ночь.
Солнце тут, – и не уходит
День стоокий прочь.
Два кольца играют в свайку,
Год без перемен.
Ходит луч, пускает зайку,
Зайчика вдоль стен.
Зайчик солнечный сорвется
К полу с потолка,
Вкось стрельнет и улыбнется,
Жизнь ему легка.
Взор слепит он... «Злой ты зайчик,
Убирайся прочь.
В детский спрячься ты сарайчик,
И зови к нам Ночь».
Ночь катается колечком,
День бежит кольцом.
Пир не в радость человечкам,
Все у них – с концом.
А по гусям, словно в чуде,
Звонкая игра.
И в слезах взмолились люди: –

«Будет. Спать пора».

Если люди даже в чуде
Видят боль сердец,
Пусть и в звоне-самогуде
Будет им конец.
День и Ночь сейчас плясали
Вместе возле нас, –
Вот уж Ночь в высокой дали,
Вот уж День погас.
Перстень злат стал весь чугунным, –
Тут уж как помочь.
И колечко с камнем лунным
Укатилось прочь.

НАД РАЗЛИВНОЙ РЕКОЙ

Я видел всю Волгу, от капель до Каспия,
Я видел разлившийся Нил,
Что грезит доднесь – и навек – Фараонами,
Синея меж царских могил.

Я видел в Америке реки кровавые,
И черные токи воды,
Я знаю, что в Майе есть реки подземные,
Которым не нужно звезды.

Оку полюбил я, с Ильею тем Муромцем,
Когда я влюблен был и юн,
И завтра на Ганге увижу я лотосы,
Там гряну всезвонностью струн,

Но странно Судьбою прикованный к Франции,
Я серую Сену люблю,
И духом идя до отчизны покинутой,
Я там – засыпаю – я сплю.

Я сплю лунатически, сном ясновидящим,
И вижу разрывы плотин,
И слышу журчание волн нерасчисленных,
И звон преломления льдин.

ОТ ПОКОЯ ДО ПОКОЯ

Я тебе построю терем далеко от мглы людской,
Из павлиньих перьев домик на равнине на морской,

И от Моря до покоев будет лестниц там игра,
Днем ступени золотые, по ночам из серебра.

Много будет полукруглых изумрудных там окон,
И опаловый над Морем высоко взойдет балкон.
И еще там будет башня из гранатовых камней,
Чтоб на этот мак взнесенный Зори глянули ясней.

От покоя до покоя мы с неспешностью пойдем,
Будут радуги светить нам, воздвигаясь над дождем.
И на всем безбрежном Море засветлеет бирюза,
Увидав, что сердце любит, и глаза глядят в глаза.

А КРОВЬ?

А кровь? А кровь? Она течет повсюду.
И это есть разлитие Зари?
Душа, терзаясь, хочет верить чуду,
Но нежных слов сейчас не говори.

Я чувствую жестокою обиду.
Я слышу вопль голодных матерей.
И как же я в свое блаженство вниду,
Когда есть боль вокруг радости моей?

Все ж ведаю, что радость неизбежна.
Но от лучей да поделюсь огнем.
Склоняюсь к темным. Горько мне и нежно.
О, боль души! Замолкнем и уснем.

ПОГОРЕЛИ

Голодали. Погорели.
В бледном теле крови нет.
Завертелись мы в метели,
В вое взвихренных примет,

Мы остывшие блуждали
Вдоль замерзших деревень.
Видишь выюгу в снежной дали?
Это наш посмертный день.

Голодая, мы заснули,
Был напрасен крик: «Горим!»
Дым и пламень, в диком гуле,
Пеплом кончились седым.

Голодать ли? Погореть ли?
Лучше ль? Хуже ль? Все равно.
Из чего ни свей ты петли,
Жалким гибнуть суждено.

Отгорела гарь недуга.
Пламень гибнущих пожрал.
Вот, нам вольно. Вьюга! Вьюга!
Пляшет снежно стар и мал.

Час и твой придет последний.
Дай богатый. Сыпь хоть медь.
Не откупишься обедней.
Нужно будет умереть.

БЕЗ ПРЕДЕЛА

Снежная равнина без предела.
По краям все лес и лес и лес.
Почему так стынет это тело?
Отчего напрасно ждешь чудес?

Черные и серые деревни.
Зябкое, голодное лицо.
Отчего тот голод, страшный, древний?
Кто сковал железное кольцо?

Белая равнина без предела.
Льнет метель, снежинками шурша.
Отчего так сердце онемело?
Как же в плен попала ты, душа?

ГИЕРОГЛИФЫ

Удел мой начертил гиероглифы мысли,
Такой узорчатой, что целый мир в ней слил.
Россию вижу я. Туманы там нависли.
И тени мстительно там бродят вокруг могил.

Но странно-радостно мне в горечи сердечной.
Я мыслью – в золотом: Там, в юности моей.
Как я страдал тогда. Был в пытке бесконечной.
Я Смерть к себе призвал, и вел беседу с ней.

Но Смерть сказала мне, что жить еще мне нужно,

Что в испытаниях – высокий путь сердец.
И светел я с тех пор. Мечта моя жемчужна.
Я знаю – Ночь долга, но Зори вьют венец.

ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ

Каждый день, по утрам, по опушке лесной,
Я один прохожу, лишь поля предо мной.

Каждый день, ввечеру, близ плакучих берез,
Я в душе доношу закипания слез.

Неоглядная ширь. Непостижная тишь.
Я горел. Я пришел. Почему ж ты молчишь?

Ты моя, не моя. Ты родимая мать.
Но с тобой не могу я медлительно ждать.

Но с тобой не могу быть в бесславных боях,
Потому что в крылах есть могучий размах.

Все твои сыновья это братья мои.
Все! И вор, и злодей! Всех кажи! Не таи!

Но, родимая мать, как палач палачу,
Буду брату в борьбе! Палача – не хочу!

И убить не хочу. Но и быть не хочу
Там, где вольно нельзя быть дневному лучу.

Я крылатый твой сын, я певучий певец,
Я восторгом обжег много быстрых сердец.

Ну и вот наконец... Вижу долю мою...
Я один среди полей... И как нищий стою...

Помоги же мне, мать! О, родимая мать!
Научи же меня, с кем войну воевать.

А не хочешь войны, – а довольна собой, –
Отпусти же меня на простор голубой.

НОЧЬЮ

Для каждого есть возжеланье быть в тихом покое.
Для каждого змеем ползущим приходит черед.

Уж скоро я буду светиться как Солнце Ночное,
Как Месяц багряный, когда он на убыль идет.

Уж скоро туманы сплетут мне седые покровы,
И стебли согбенно холодную примут росу.
За лесом заснувшим скликаются зоркие совы,
Над темной трясинной я факел полночный несусь.

ТЕ ЖЕ

Те же дряхлые деревни,
Серый пахарь, тощий конь.
Этот сон уныло-древний
Легким говором не тронь.

Лучше спой здесь заклинанье,
Или молви заговор,
Чтоб окончилось стенанье,
Чтоб смягчился давний спор.

Эта тяжба человека
С неуступчивой землей,
Где рабочий, как калека,
Маает силу день-деньской.

Год из года здесь невзгода,
И беда из века в век.
Здесь жестокая природа,
Здесь обижен человек.

Этим людям злое снится,
Разум их затянут мхом,
Спит, и разве озарится,
Ночью, красным петухом.

НА ОПУШКЕ

Луг, золотой от весенних цветов.
Томные зовы печальной кукушки.
Скорую смерть повстречать ты готов?
Трижды «Ку-ку» пронеслось по опушке.
Три мне еще обещает весны
Эта кудесница гулкового леса.
Полно. Не нужно. Я видел все сны.
Пусть поскорее сгустится завеса.

ТОСКА

По углам шуршат кикиморы в дому,
По лесам глядят шишиморы во тьму.
В тех – опара невзошедшая густа,
Эти – белые, туманнее холста.

Клеть встревожена, чудит там домовой,
Уж доложено: Мол, будешь сам не свой.
Не уважили, нехватка овсеца,
И попляшет ваш коняга без конца.

Челку знатно закручу ему винтом,
И над гривой пошучу, и над хвостом.
Утром глянете, и как беде помочь,
Лошадь в мыле, точно ездила всю ночь.

В поле выйдешь, так бы вот и не глядел.
Словно на смех. И надел как не надел.
На околице два беса подрались,
Две гадюки подколодные сплелись.

А придет еще от лешего тоска,
Хватишь водки на четыре пятака.
Ну, шишиморы, пойду теперь в избу.
Ну, кикиморы, в избе как есть в гробу.

БЕЛЫЕ БЕРЕЗЫ

Эти белые березы
Хороши.
Хороши.
Где ж мой милый? В сердце слезы
Утиши.
Поспешి.
Или больше он не хочет?
И алмаз
Мой погас?
Вот кукушка мне пророчит
Близкий час.
Смертный час.
Или нет мне поцелуя?
Милый мой!
Милый мой!
Если из лесу пойду я, –
Не домой.

Не домой.
Быть с тобою, или в землю.
Там, в сырой,
Пламень скрой.
Там, в могиле, тайну скрою,
Милый мой!
Милый мой!

ВОДОВЕРТЬ

В водокрути, в водоверти,
Пляшут ведьмы, скачут черти.
Расступись-ка, водокруть,
Дай в тебя мне заглянуть.

Я среди людей бывала,
Знаю разных лиц немало.
Истомилась там, смотря,
Что ж мне медлить в мире зря.

Вот, я здесь еще девица,
Но иные вижу лица.
Покрутитесь предо мной,
Буду Дьяволу женой.

Мне наскучило людское,
Предо мной пляшите вдвое.
Закрутись, моя душа,
Пляска в полночь хороша.

Мчитесь в пропасть, лица, лица,
Я венчанная царица.
От людей хоть прямо в Смерть,
Замыкайся водоверть.

СЛОВО

От Моря до Моря другого,
От воды до великой воды,
Смутянило мертвое слово,
Не песню рождало; а льды.

Бродило как будто благое,
Ходило как вольная весть.
«Пребудьте в могильном покое.
Молчите. Вам нечего есть.

Молчите. За вас в говорильне
К словам громоздятся слова.
Могильнее. Тише. Могильней.
Стелитесь, как в ветре трава».

Так тешится мертвое слово,
Не чуя грядущей беды.
От Моря до Моря другого,
От воды до великой воды.

СКИФ

Мерю степь единой мерою,
Бегом быстрого коня.
Прах взмету, как тучу серую.
Где мой враг? Лови меня.

Степь – моя. И если встретится
Скифу житель чуждых стран,
Кровью грудь его отметится.
Пал – и строй себе курган.

У меня – броня старинная,
Меч прямой и два копыя,
Тетива на луке длинная,
Стрел довольно. Степь – моя.

Лик коня, прикрытый бляхами,
Блеском грифов, птиц, и змей,
Ослепит огнем и страхами
Всех врагов меты моей.

А мета моя – высокая,
Византийская княжна,
Черноокая, далекая,
Будет мне мечом дана.

Полетим как два мы сокола.
Звон бубенчиков, трезвонь.
Кто вдали там? Кто здесь около?
Прочь с пути! Огонь не тронь!

ДВА СОКОЛА

Белый сокол, светлый сокол, он отец,

Серый сокол, соколица, – это мать.
Светлый сокол, клюв и когти – в глубь сердец,
Он когтями так умеет обнимать.

Белый сокол, сильный сокол, солнцеок,
Серый сокол, темный сокол – в глубь гнезда.
Светлый сокол, твой полет в лучах высок,
Темный сокол, над тобой во тьме звезда.

СТЕПЬ

Я иду, иду. Всюду степь и степь.
Небо шлет звезду. Упадёт за степь.
Небо шлет ещё. Свет умрёт в пути.
Этот звездный счёт мне ль умом пройти!

Я пою себе: Дух смутьян, свирель.
Говорю себе: Да порви же цепь.
День уходит в тень. Всюду степь и степь.
Ночь уходит прочь. Не проходит степь.

В СТЕПЯХ

Здесь мы бродим на степи. Говорим себе: Терпи.
Говорим себе мы: Спи. Сон – спасение в степи.

Здесь мы веселы тогда, – лишь тогда, когда мы пьяны.
Разрушаем ровность дней, – лишь как строим мы курганы.

Здесь напрасно смотрит глаз. Ищет, ищет, – гаснут силы.
Ровность степи давит нас. Здесь высоки лишь могилы.

Так и бродим по степям. Телом здесь, а сердцем там.
Кто в степях поможет нам? Так и бродим по степям.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Я один на воле,
Перекасти-поле.
Пляшет, скачет шар-клубок.
Корни дуба крепки,
Мне ни в чем зацепки.
Путь свободен, мир широк.

У иного сила
Вся ушла в стропила,
Как гробницу строит дом.
Мне иная доля –
Перекасти-поля: –
Хочешь воли, так уйдем.

КОГДА ЖЕ?

Когда же он, тот безымянный кто-то,
Кто в наши незапамятные дни
Лес победил и выкорчевал пни, –
Кому земля отрада и забота,
Кто был кормильцем темным искони, –
Когда же он, кто ведал гнет без счета,
И сам, другим кормилец, голодал, –
Когда же он узнает дни иные?
Я жду. Молюсь. И пусть я слаб и мал,
Моя молитва в выси неземные
Идет как крик. Я Небу говорю: –
Пошли же темным яркую зарю.

ПОСЛЕ БУРИ

Зеленовато-желтый мох
На чуть мерцающей бересте.
Паденье малых влажных крох,
Дождей отшедших слабый вздох,
Как будто слезы на погосте.
О, этих пиршественных бурь
В ветрах сметаемые крохи!
Кривой плетень. Чертополохи.
Вся в этом Русь! И, в кротком вздохе,
Сам говорю себе: Не хмурь
Свой тайный лик. Молчит лазурь.
Но будет: Вновь мы кликнем громы,
И, в небе рушась, водоемы,
Дождями ниву шевеля,
Вспоят обильные поля.

ИГЛЫ-ИГОЛЬЧИКИ

Стебель овса,
Это – краса
Наших безбрежных полей.
Иглы-игольчики,
Звон-колокольчики.
Небо, пошли нам дождей!

В колосе ржи,
Возле межи,
Шелест и шепот расслышь.
Нива зеленая,
Словно с амвона я
Слышу молитвы и тишь.

Хлеб мой ржаной
Весь предо мной.
Солнце, пошли нам огня!
Свет-колокольчики,
Иглы-игольчики,
Тешат, не колют меня.

Тихо звеня,
Корм для коня
Вызлатил ровность пустынь.
С желтыми нивами
Быть нам счастливыми.
Колос да спеет! Аминь!

КОЛОС

Колос полный, колос спелый, золотой,
Ты, возросший из единого зерна,
Ты, узорный, ты, резной, и ты, литой,
Ты, дремотный, колос к колосу – волна.

Зерна в числах, звезды в небе, нити сна,
Пряжа грезы, всходы радуг, Млечный Путь,
Как красива перекатная волна.
Веруй в даль. Беги вперед. Себя забудь.

РУСЬ

Русь – русло реки всемирной,
Что дробится вновь, – и вновь
Единится в возглас пирный: –
«Миг вселенский приготовь!»

Русь – русло реки свободной,
Что, встречая много стран,
Тихо грезит зыбью водной: –
«Где окружный Океан?»»

КАПЛЯ

Семьюдесятью горлами,
В то море, во Хвалынское,
Втекает Волга водная,
Что с капли зачалась.
Семьюдесятью ветками,
Древа в лесу могучие
До неба умудряются,
Да небо не про нас.

По небу только молнии
Прорвутся и сокроются,
По небу только с тучами
Прносятся орлы.
А мы с землею связаны
Семьюдесятью связями,
И лишь слезой любовною
Как дым взойдем из мглы.

ЮРОДИВЫЙ

Есть глубинное юродство
Голубиной чистоты,
Человека с зверем сходство,
Слитье в цельность я и ты.
Все со мною, все со мною,
Солнце, Звезды, и Луна,
Мир я в Церковь перестрою,
Где душе всегда слышна
Псалмопевчества струна.

Был один такой прохожий
Схвачен. – «Кто ты?» – «Божий сын».
« – Песий сын?» – «И песий тоже».
В этом крае Господин
Порешил, что он – безумный.
Отпустили. И во всех,
Средь толпы бездушно-шумной,
Вызывал слепой он смех.

Вот мужик над жалкой клячей
Измывается кнутом.
Тот к нему: – «А ты б иначе.
Подобрей бы со скотом».
« – Ты подальше, сын собачий»,
Рассердившийся сказал.
Тот, лицом припавши к кляче,
Вдруг одну оглоблю взял,
И промолвил: – «Кнут не страшен,
Что ж, хлещи уж и меня.
Для телег мы и для пашен.
А тебе-то ждать огня».
И хлеставший, удивленный,
Лошадь больше не хлестал.
Юродивый же, как сонный,
Что-то смутное шептал.
« – Если Бог – Отец превышний,
Все мы – дети у Отца.
В Доме – все, никто – не лишний.
Черви сгложут мертвеца.
Без червей нам быть невозможно,
Смерть придет, и жизнь придет.
В мире шествуй осторожно,
Потому что пламень ждет.
Хоть червя здесь кто обидит,
Побывать тому в Аду.
Кто же мир как правду видит,
В сердце примет он звезду.
Он с огнем в душе здесь в мире,
Согревая всех других,
Смотрит зорче, видит шире,
И поет как птица стих.
Если спросят: – Кто вам предки? –
Молвим: – Волны предки нам,
Камни, звери, птицы, ветки.
Ходит ветер по струнам,
Дождь скопляется на камне,
Птице есть испытать чего.
Сила виденья дана мне,
Всюду вижу – Божество».

Так ходил тот юродивый
По базарам меж слепых,
В сером рубище – красивый,
Вечно добрый – между злых.

Шла за ним везде собака,
С нею жил он в конуре.
И вещал: – «Вкусивши мрака,
Все проснемся мы в Заре».

КАЛИКА ПЕРЕХОЖИЙ

Я калика перехожий,
Я убогий богатырь.
Только с нищим я несхожий,
Как и камень алатырь –

Не булыжник сероцветный,
И не гость песков, голыш,
Я пою мой стих заветный,
Я не крыса, я немышь.

Крыса в мире – лик заразы,
Мышь дырявит пол в избе.
А мои слова – алмазы,
Мой удел – зарок Судьбе.

Если девушке пригожей
Вдруг под сердце подошло, –
Я, калика перехожий,
Поколдую ей светло.

Если духом никнет юный, –
Он воспрянет предо мной,
Увидав, как звонки струны,
Как горит струна струной.

Если старая и старый
Смотрят все на жизнь свою, –
Я им мудрость полной чарой
Словно пьяный мед пролью.

Если чья судьба бездольна,
Я, калика, возвещу: –
Полно, брат, и мне ведь больно,
Жду весны – и не ропщу.

Я могучий, я увечный,
Ноги – скованы с землей,
Дух летит в простор свой вечный,
Здравствуй, добрый! Здравствуй, злой!

НА ЯРМАРКЕ

По проволоке зыбкой
Идет мой белый брат,

Смычок владеет скрипкой,
Быть на земле я рад.

Так жутко, что прекрасный
Проходит в высоте.
Владея скрипкой страстной,
Веду скользенья те.

Мелькает блеск алмазный
Подвижного кольца.
Владея сказкой связной,
Играю без конца.

И если на земле я,
А брат мой в вышине,
Так это скрипка, млея,
Двоим поет во сне.

И если на земле я,
А брат мой вышний дух,
Так это сердце, рдея,
Ему диктует вслух.

Скрестив кривые ноги,
Струю напевный звон.
В воздушные чертоги
Уводит взоры он.

Я выгнулся волною,
Спиною горбуна.
О, брат, иди за мною
О, брат, нежна струна!

То вправо тень, то влево,
То слева вправо свет.
Поверь в слова напева,
Желанней счастья нет.

Одно нам было детство,
Различность снов потом.
Раздельное наследство
В единый сон сведем.

То влево свет, то вправо,
То справа влево тень.
Нас ждет вовеки слава,
Собой меня одень.

Вот самый звук блестящий.
Мой брат, любимый брат!
Пляшите, ноги, чаще,
Быть на земле я рад.

Он завершил взнесенье,
Исчерпал пляску сил.
И взлет внося в паденье,
Убился и убил.

КОЛЬЦО

Она, умирая, закрыла лицо,
И стала, как вьюга, бела,
И с левой руки золотое кольцо
С живым изумрудом сняла,
И с белой руки роковое кольцо
Она мне, вздохнув, отдала.

«Возьми», мне сказала, «и если когда
Другую возьмешь ты жену,
Смотри, чтоб была хороша, молода,
Чтоб в дом с ней впустил ты весну,
Оттуда я счастье увижу тогда,
Проснусь, улыбнусь, и засну.

И будешь ты счастлив. Но помни одно: —
Чтоб впору кольцо было ей.
Так нужно, так должно, и так суждено.
Ищи от морей до морей.
Хоть в Море спустись ты на самое дно.
Прощай... Ухожу... Не жалею...»

Она умерла, холодна и бледна,
Как будто закутана в снег,
Как будто волна, что бежала, ясна,
О жесткий разбилась брег,
И вот вся застыла, зиме предана,
Средь лдяных серебряных нег.

Бывает, что вдовый останется вдов,
Бывает — зачахнет вдовец,
Иль просто пребудет один и суров,
Да придет — в час должный — конец,
Но я был рожден для любви и цветов,
Я весь — в расцветаньи сердец.

И вот, хоть мечтой я любил и ласкал
Увядшее в Прошлом лицо,
Я все же по миру ходил и искал,
Кому бы отдать мне кольцо,
Входил я в лачуги и в царственный зал,
Узнал не одно я крыльцо.

И видел я много чарующих
С лилейностью тонких перстов,
И лютня любви свой серебряный звук
Роняла мне в звоны часов,
Но верной стрелой не отметил мне лук,
Где свадебный новый покров.

Цветочные стрелы вонзались в сердца,
И губы как розы цвели,
Но пальца не мог я найти для кольца,
Хоть многие сердце прожгли,
И я уходил от любви без конца,
И близкое было вдали.

И близкое болью горело вдали.
И где же бряцанье кадил?
Уж сроки мне в сердце золу принесли,
Уж много я знаю могил.
Иль бросить кольцо мне? Да будет в пыли.
И вот я кольцо уронил.

И только упал золотой изумруд,
Ушло все томление прочь,
И вижу, желанная близко, вот тут,
Нас в звезды окутала ночь,
И я не узнал меж медвяных минут,
Что это родимая дочь.

Когда же, с зарею, Жар-Птица, светла,
Снесла золотое яйцо,
Земля в изумруды одета была,
Но глянуло мертвым лицо
Той новой, которая ночью нашла,
Что впору пришлось ей кольцо.

ШИШИМОРА

1

Шел я в лес.
Ты послушай: Шел я – в лес.
В лесе – Леший.
Был я пеший.
Закрутился старый Бес.
Там и тут,
Прямо шут.
Весь зеленый и седой,
С распушною бородой.

Покривлялся, покачался, засмеялся, и исчез.
Бес так Бес,
Знаю – лес,
Куст и куст, сосна с сосною.
«Ну», – подумал я, – «со мною
Не пошутишь, шалый плут».
Чуть сказал, он тут как тут.
Ширит шею, пучит очи,
То длинней он, то короче,
То прокатится как шар.
В лесе мгlistом,
С шипом, с свистом,
Вдруг шарахнется по веткам, под листьями как пожар.
Смотрит в чаще, шарит, шарит,
В шапку метит, к шапке шась,
Шапке надобно пропасть.
Где-то печка, что-то жарит,
Уж поест он, верно, всласть.

Словно шершень, весь шершавый,
Скалит зубы, Бес лукавый.
Ты, шайтан,
Верно, пьян?
Он хохочет, он щекочет,
Он со мной кружиться хочет,
Брызнул вспышкой огня,
Щип за щиколку меня.
Он, юродствуя, пророчит.
Взял старушечий салоп,
Человека бабьим – в лоб.
Убегаю, – настигает. Поспешаю, – яма, стоп.

Я стою в грязи по пояс.
Это – я?
Предо мною, в яме роясь,
Супоросая свинья.
В стороне – шалаш убогий,
Сверху – Месяц круторогий.
Сучья старые шуршат,
Мыши в щели шебаршат.
Старый Шут с зеленой рожей,
Весь ни на что не похожий,
Убежал.
И в лесу затрепетавшем
Он, конем, узду порвавшим,
За опушкой там заржал.

Тихонько, как змея,
Из ямы вышел я.

И в лес опять спешу,
Едва-едва дышу.
А там в стволах
Скребется страх.
А там в стеблях
Встает: «Ах! Ах!»
А там в кустах: «Шу! Шу!»
«Пожалуйте! Прошу!»

Шишимора раскосая
Смеется, развалиясь.
Пришла сюда, мол, с плёса я.
Любится? В добрый час!
«Шишимора истомная
И с рыбьим я хвостом.
Мой полог – ночка темная,
Где лягу, там и дом.
Шишимора – охочая,
Раскинуть ноги – сласть.
Являюсь в темной ночи я,
Чтоб в ночи и пропасть».
Шишимора – раскосая:
Прими-ка, мол, жену.
«Полюбимся, а с плёса я
В последний раз плесну».
Шишимору – с развалочкой
Уважил сам шуяк,
Зовет любезной галочкой,
Вертит ей так и сяк.
Шишимора шушукает:
«А где моя душа?»
Шуяк ее баюкает,
Шуяк, шульгач, левша.

3

Я – бежать, – нет силушки,
И некуда идти.
Все кругом могилушки,
Стебель на пути.
Желтый шильник, стрелица,
Совиная стрела.
Вкруг нее – метелица,
Ведьмовская мгла.

«Совки, совки, совушки,
Кого теперь клевать?
Дьявольские вдовушки
Лягут на кровать.
Расцветает стрелица.
Мой милый, поспешай.

Целый мир – безделица,
Лишь со мною – рай.
Совки, совки, совушки,
Сюда, сюда, сюда!
Кровь жарка у вдовушки,
Слезы же – вода!»

4

Я бежал, простоволосый,
А в лесу был гик за мной: –
То с шишиморой раскосой
Хохотал шуяк шальной.
Шерсть какая-то летела,
Шелушилася кора.
Где шагнешь, повсюду – тело,
Где ни стань, в земле – дыра.
Ветер веял, щупал щеки,
Паутинил волоса,
В уши мне шептал намеки,
В далях зыбилась роса.
Я бежал до смутных склонов,
До высокого холма.
Добегу, – но в гуле звонов
Ночь препятствует сама.
Вот уж, вот уж склоны встали,
Вот уж, вот окончен лес, –
Снова холм – в далекой дали,
Цепкий лес – как строй завес.
Упадаю. Слышны вскрики,
Клекот хищницы: «Шабаш!
Закрутитесь, павилики!
Вейся, вьюн! Теперь он наш!»
И лежу.
И гляжу.

5

Что я вижу, что я знаю, никому не расскажу.
Знает лес и тишина,
Знают звезды и Луна,
Знаю – я, кого здесь Рыбарь ввел, играя, в мережу.

Из норы,
Из-под горы,
Зверь какой-то выметается.
Глянет в небо, – и сюда
С неба вниз летит звезда,
Кто-то в мире здесь рождается.

В мире бродит волк всегда.

Где-то шепчутся старухи,
С голодухи повитухи.

Зверь сейчас же до норы
Шорк с горы,
Вспыхнет порохом.
Сухолистьем прошмыгнул,
По вершинам шепчет гул,
Шатким шорохом.

ЖАЛОБА КИКИМОРЫ

Я кикимора похвальный,
Не шатун, шишига злой.
Пробегу я, ночью, спальней,
Прошмыгну к стене стрелой,
И сажу в углу печальный, –
Что ж мне дали лик такой?

Ведь шишига – соглядатай,
Он нечистый, сатана,
Он в пыли дорог оратай,
Вспашет прахи, грусть одна,
Скажет бесу: «Бес, сосватай», –
Скок бесовская жена.

Свадьбу чертову играет,
Подожжет чужой овин,
Задирает, навирает,
Точно важный господин,
Подойди к нему, облает,
Я же смиренный, да один.

Вот туг угол, вот тут печка,
Я сажу, и я пряду.
С малым ликом человечка,
Не таю во лбу звезду.
Полюбил кого, – осечка,
И страдаю я, и жду.

Захотел я раз пройтись,
Вышел ночью, прямо в лес.
И пришлось же насладиться,
Не забуду тех чудес.
Уж теперь, когда не спится,
Прямо – к курам, под навес.

Только в лес я, – ухнул филин,
Рухнул камень, бухнул вниз.
На болоте дьявол силен,
Все чертяки собрались.
Я дрожу, учтив, умилен, –
Что уж тут! Зашел, – держись!

Круглоглазый бес на кручу
Сел и хлопает хвостом.
Прошипел: «А вот те взбучу!»
По воде пошел содом.
Рад, навозную я кучу
Увидал: в нее – как в дом.

Поднялось в болоте вдвое,
Всех чертей спустила глыбь.
С ними бухало ночное,
Остроглазый ворог, выпь,
Водный бык, шипенье злое, –
И пошла в деревьях зыбь.

Буря, сбившись, бушевала,
В уши с хохотом свистя.
Воет, ноет, все ей мало,
Вдруг провизгнет, как дитя,
Крикнет кошкой: «Дайте сала!»
Дунет в хворост, шелестя.

А совсем тут рядом с кучей,
Где я спрятался, как в дом,
Малый чертик, червь ползучий,
Мне подмигивал глазком
И, хлеща крапивой жгучей,
Тренькал тонким голоском.

Если выпь, – бугай, – вопила
И гудела, словно медь,
Выпь и буря, это – сила,
Впору им взломать и клеть,
А чтоб малое страшило
Сечь меня, – не мог стерпеть!

Я схватил чертенка-злюку,
Он в ладонь мне зуб вонзил.
Буду помнить я науку,
Прочь с прогулки, что есть сил.
И сосу за печкой руку,
Грустный, сам себе немил.

От сидячей этой жизни
Стал я толст, и стал я бел.
Я непризнанный в отчизне,

Оттого что я несмел.
Саван я пряду на тризне,
Я запечный холстодел.

УРОДЦЫ

Два глазастые уродца
Из прогорклого болотца,
 Укрепившись в силе,
 К Фее приходили.

И один был Лягушонок,
Еле-еле из пеленок,
 Квакалка-квакушка,
 В будущем лягушка.

А другой – Упырь глазастый,
Перевертыш головастый,
 Кровосос упорный,
 И со шкуркой черной.

Перевертыш, перекидыш,
Он в болотце был подкидыш: –
 Согрешил с Ягою
 Бес порой ночьюю.

Лягушонок же зеленый,
Презиравший все законы,
 Прыгал через мостик,
 Задирая хвостик.

Два глазастые уродца
Из-под кочки, из болотца,
 Искупавшись в иле,
 К Фее приходили.

«Ты», сказали, «иностранка,
Сладкозвонка и обманка,
 Мы же нутряные,
 Водные, земные».

Стали оба, руки в боки.
«Ты», твердят, «без подоплёки.
 Пазуха-то есть ли?
 Все сидеть бы в кресле».

Не понравился вопросик.
Фея вздернула свой носик,
 Призывает свиту,

Упырю быть биту.

Впрочем, нет. Дерутся волки,
Или глупые две телки,
Фея же воздушна,
И великодушна.

Фея пчелкам приказала,
Показали только жало, –
И Упырь от страха
Прыг в бадью с размаха.

Лягушонок – мух глотатель,
Пчел он тоже не искатель,
И, как пойман в краже,
«Квак», и прыг туда же.

Два глазастые уродца
Пали вниз на дно колодца,
И скорбят речисто: –
«Очень уж тут чисто».

Фея ж пчелкам усмехнулась,
На качалке покачнулась,
И с Шмелем, дворецким,
В путь, к князьям Немецким.

МЫШЬ И ВОРОБЕЙ

Жили мышь с воробьем ровно тридцать лет,
Никакие их ссоры не ссорили.
Да вот в маковом зернышке путного нет,
Из-за зернышка оба повздорили.
Всякий, что ни найдет, все с другим пополам,
Да нашел воробей это зернышко.
«Что вдвоем», он сказал, «тут делить будет нам!»
И склевал он один это зернышко.
«Ну», сказала тогда черноглазая мышь,
Сероспинная мышь, серохвостая,
«Если так, воробей, ты со мной угоришь,
И с тобой расплачусь очень просто я».
«Писк!» тут пискнула мышь. «Писк!» пропела она.
И зверье набежало зубастое.
«Писк!» пропел воробей. «Писк! Война так война!»
Войско птиц прилетело глазастое.
Воевалась война ровно тридцать лет
Из-за макова зернышка черного, –
Пусть и мало оно, извиненья в том нет
Для того преступленья позорного.

Тридцать лет отошло, и сказало зверье:
«Источили напрасно здесь зубы мы».
Перемирье пришло. «Что мое, то твое».
Так решили. «Не будем же грубыми!»
Воробью протянула безгневная мышь
Свою правую ручку в смирении.
Клюнул он поцелуй. И глядишь-поглядишь,
Так вот людям бы жить в единении!

ШАТКОСТЬ

В безглазой серой мгле безмерность, безымерность.
Безотносительность, пустыня дней без вех,
Бескрайность скатная, бродячих снов неверность,
Отсутствие путей, хотя б ведущих в Грех.

Нет линии прямой, куда ни глянет око,
Нет радуги-дуги с делением цветов,
Одна пространственность, зияние широко,
И вдоль и поперек – поток без берегов.

Поток ли, Море ли, кто точно установит?
Что ни волна, то тень, и что ни лик, то нуль.
Нет точных единиц. И слух напрасно ловит
Хотя б намек какой в пузырястом буль-буль.

Бунт буйствует боев без цели и закона.
Все тает. Плыть – куда? Вперед или назад?
О, пусть бы четко встал хотя челнок Харона!
Нет перевозчика – ни даже в верный Ад.

В ТЮРЬМЕ

Все время, все время, скорблю и грущу.
 Все время, все время.
В саду я посеял заветное семя,
Расцветов напрасно ищу,
 Все время, все время.

Так падают капли на темя, на темя,
Холодную влагой, жестокой, как лед,
Пытают, и холод терзает и жжет,
 Все время, все время.

Быть может, на воле уж новое племя
Возникло, смеется, не помнит меня.

Я дал им огня.
Им солнце зажег я, сам темный, стенья
Все время, все время.

В СЕРДЦЕ ЛЕСА

Когда я прихожу в глубокий темный лес,
И долго слушаю молчанье веток спящих, –
В душе расходится густая мгла завес,
И чую тайну чар, что вечно дышит в чашах.

Вот только что я был всем сердцем возмущен,
Обидел ли своих, иль был обижен ими, –
Вся жизнь откинулась в один зеркальный сон,
И все тяжелое в далеком скрылось дыме.

Встает дыхание согревшихся болот,
Чуть прошуршал камыш свирельной сказкой детства,
И слышу я в веках созвездий мерный ход,
И папорот сулит заветное наследство.

Я руку протянул, касаюсь до сосны,
Не колет зелень игл, и нет в тех иглах жала, –
От сердца до небес один напев струны,
Иди в глубокий лес, коль сердце задрожало.

УСПОКОЕНИЕ

Благоухание,
Кажденье ладана,
Души страдание
Тобой угадано.

Бряцанье мерное,
Восторг горения,
В тебе есть верное
Успокоение.

Забыв укорности,
Растаяв дымами,
Молюсь в покорности,
Душой с родимыми.

Душой я с предками,
Вовеки сущими,
Чтоб снова ветками

Ожить цветущими.

ПРОСТИ

Прости меня, прости. Цветы дышали пряно.
Я позабыл совсем, что где-то бьется боль,
Что где-то сумерки и саваны тумана.
Меня, счастливого, быть грустным не неволь.

Я с детства был всегда среди цветов душистых.
Впервые вышел я на утренний балкон,
Была акация в расцветах золотистых,
От пчел и от шмелей стоял веселый звон.

Сирень лазурная светила мне направо,
Сирени белой мне сиял налево куст.
Как хороши цветы! В них райская есть слава!
И запах ландышей – медвян, певуч, и густ.

В нем ум, безумствуя, живет одним виденьем.
И ветер в камышах мне звонкой пел струной.
Жукам, и мотылькам, и птицам, и растеньям
Я предал детский дух, был кроток мир со мной.

Каким я в детстве был, так буду в дни седые.
Фиалка – мой рассвет, мой полдень – пламя роз,
Послеполуденье – нарциссы золотые,
Мой вечер, ночь моя, сверкайте в играх гроз.

Пусть все мои цветы, – о, Мать моя Святая,
Россия скорбная, – горят мне на пути.
Я с детства их люблю. И их в венок сплетая,
Их отдаю тебе. А ты меня прости!

КРУГЛЫЙ ГОД

Круглый год, как колобок,
Покатился на Восток,
А пришел он на Закат,
В то же место, говорят.

Круглый год пошел на Юг,
Совершил он полный круг,
И на Севере опять,
Где же путь теперь начать?

Круглый год пошел с Луной,
Серп подвесил вырезной,
А узнав ущерб, тропа
Завершилась у серпа.

С Солнцем вышел круглый год,
Очертил круговорот,
И, принявши тот же вид,
«С новым счастьем!» говорит.

КУЗОВ

Я в дремучем лесу,
Где и днем полутьма,
Кузов полный несу,
В нем заснула Зима.
 Как я шел ввечеру,
 Проходил я холмом,
 Там на самом юру
 Вижу снежный я ком.
От Зимы ото всей
Он один не хотел
Под пригревом лучей
Свой исчерпать предел.
 И смотрел он врагом,
 И дышал как мороз.
 Тут я взял этот ком,
 В лес дремучий понес.
И из полной сумы, –
В разум смысла набрав, –
Я кусочки Зимы
Разбросал между трав.
 И куда ни падет
 Этот снежный комок, –
 Тотчас нежно цветет
 Белоснежный цветок.
Так я ландыш взрастил,
Так подснежник раскрыл, –
И из мертвых могил
Ангел встал шестикрыл.

СНЕЖНЫЙ ДОМ

На околице – домок,
Невеликий теремок.
В нем Старик, и в нем Старуха,

В гости к ним жужжится муха.

Проворчал Старик седой,
С ледяною бородой: –
«Кто за дверью там жужжится?
На полатях мне не спится».

Тут Старуха снежный плат
Отодвинула назад.
Говорит: «На это ухо
Туговата я, Старуха».

Позевала: «Встань-ка вон.
Покрестила старый рот.
В полинялом сарафане
Закачалась как в тумане.

Дверь открыла. – «Кто в избе?»
Муха к ней, сидит на лбу.
И у Старой все-то тело,
От весенней, разомлело.

Разомлело так, что вдруг
Хоть плясать на вольный луг,
Старика с палатей тащит,
Тот, крестясь, глаза таращит.

А уж муха и на нем,
Обожгла его огнем.
Хоть крестись, хоть не крестись ты,
Сказки Солнца пламенисты.

Старый дед, что был так бел,
Разрумянясь, разомлел.
Хоть крестись, хоть не крестись ты,
Расцвели цветы душисты.

Двое Старых, от Весны,
Стали цветом бузины.
И крестись, и не крестись ты,
Птицы в роще голосисты.

ПОДСНЕЖНИК

В зеленом перелеске
Подснежный колокольчик,
Раскрывшись ранним утром,
Тихонько позвонил.
Сказал: «Молитесь, травки!»

Шепнул: «Молитесь, звери!»
Пропел: «Молитесь, птицы!
Господь дает нам сил».

И белая березка
Курилась благовонно;
И заячья капуста
Молилась в тишине.
И серый можжевельник,
Упавши на коленки,
Шептал благоговейно: –
«Дай ягод, в срок, и мне!»

А белочка, желтея,
С брюшком пушисто-белым,
Скакнув от ветки к ветке,
Искала, что поесть.
И протрубил комарик,
Свои расправив крылья,
В предлинную свирельку: –
«В лесу богатств не счесть!»

ДРЕМА

Смолянка-сон дремучая,
Болотная дрема.
Мечта в уме тягучая,
В руках, в ногах, тома.
Дрема кошачья сонная,
Курение болот,
Вся цепкая, вся званная,
Вся в душу зелье льет.
И хочется не хочется,
Как топь, взяла постель,
И сердцу все пророчится,
Что жизнь – одна метель.
Все кружится, скружается,
Свивается в извой,
Недужится, зевается,
Дремлю я сам не свой.
И будто в лихорадке я,
И будто я в бреду,
То вижу ласки сладкие,
То снова боли жду.
И мучая, вся жгучая,
Вся липкая, как мед,
Дрожит дрема зыбучая,
И кошкой к сердцу льнет.

КУКУШКИН ЛЕН

Что в саду белеет звездно? Яблонь цвет, и в цвете вишни.
Все цветет, поет, и дышит. Счастлив нежный. Горек лишний.

Кто в саду забыл дневное? Чьи уста горят в беседке?
Вешний ветер любит шалость. Он склоняет ветку к ветке.

Тихо в детской. Свет лампы. Истов темный лик иконы.
Ах, весна ведь беззаконность. Кто же сердцу дал законы?

Спит ребенок. Спит и видит. Лунный лес. Цветы как море.
Разметались, всколыхались, в голубом дрожат просторе.

А другие смотрят чинно. Так стоят, как встали – прямо.
И не шепчут, словно губы, а горят, как свечи храма.

И еще цветы есть третьи: Хоть цветут расцветно сами,
Но враждебны к задрожавшим, наполняют их слезами.

И глядят шероховато, протянули к ним колочки,
Вьется сердце, шепчут губы, светят свечи, жалят жгучки.

Спит ребенок. Спит и видит. Вон кукушкины сапожки.
Вон кукушка там трилистник. Лен кукушкин на дорожке.

Вон ночная там фиалка. Встала лилия красива.
И репейник угрожает. И спесивится крапива.

Кто-то злой трясет осину. Побелели все березки.
И во сне ребенок плачет, и кукушкины с ним слезки.

Кто-то молит, кто-то просит, кто-то с кем-то, там в тумане.
Свет лампы. Плач ребенка. Воркотня вздохнувшей няни.

« – Спи, родной, Христос нам светит через всю стезю земную!»

« – Няня, няня, спой мне песню про кукушечку лесную...»

ЗА ГАЕМ ЗЕЛЕНЫМ

За гаем зеленым,
По срываю и склонам,
Певуче вела ты, тоска.
Но видно, что дважды
Для жалящей жажды
Не дышит прохладой река.

Здесь некогда юным
Я был Гамаюном,
В свирельности ласковых слов.
Но юность лишь эхо
Далекого смеха,
Лишь отзвук далеких шагов.

Зеленого гая
Листва молодая
Роняет с зарею росу.
И юность – лишь лодка,
Уплывшая ходко,
Ведя по воде полосу.

За гаем зеленым,
Со смехом и звоном,
Промчались в ночи бубенцы.
Горячая тройка
Уносится бойко
Во все мировые концы.

ВЕСНА

Молодая Весна в пояске из цветков,
Что готов соскользнуть перед входом в альков,
Наклонилась над светлым затоном,
Под навесом деревьев зеленым.

Уже Солнце зашло. Но весною светло
В вечеру и в ночи. И пол ночи прошло.
А Весна все заснуть не хотела,
И румянилось юное тело.

Соловьиная песнь и пришла и ушла,
А Весна все ждала, над затоном светла.
И мечты возжелавшей Весталки
Расцветали в лесах как фиалки.

И спала не спала, но в глазах у Весны
Были тени теней, были дальние сны.
И хотенья застывшей Вакханки
Расцветали в росе как горчанки.

Так спала не спала от зари до зари
Огневая Весна, две недели и три.
И растаяла в брызгах рассвета,
Когда глянуло в очи ей Лето.

ПЕСЕНКА СВЕТЛЯКА

Взяв с собой медвяный жбанчик,
Сплел из мятлика я лесенку,
И полез на одуванчик,
И пою при этом песенку: –

Не комар я, не жучок,
Я веселый светлячок,
Между трав мальчонка,
Фея же девчонка,

Фее я пою: Приди.
Целый месяц впереди.
Месяц наш медовый,
Каждый день нам новый.

Ты, девчонка, торопись,
Прямо в пору дни сошлись.
Одуванчик глянет,
Дунет и завянет.

Вот, как в жбанчике есть мед,
Золотистым он цветет, –
Глянь, на тонкой вые
Волосы седые.

Золотой погас пожар,
Глянул снегом белый шар, –
Здравствуй, одуванчик,
Я бросаю жбанчик.

Фея слышала заклятье, –
Песня пела убедительно, –
В голубом предстала платье,
С нею счастлив был я длительно.

В ИЮЛЕ

Сухой короткий треск кузнечика.
Июля предпоследний зной.
Бежит мой конь. Звенит уздечка.
Еще не кончен весь рассказ.

Я припаду к тебе на плечико.
Ты будешь счастлива со мной.

Спешу. Еще не сохнет речка.
Обедня Солнца. Вышний час.

ВЕРХУШКА ЛЕТА

Тебе конец венчанный лета,
Ты овладела моей мечтой.
Заре – зарницей песня спета,
Войди же смело в чертог золотой.

О, да, из пурпура и злата,
Он безгреховный, наш храм-альков.
Иди с Востока до Заката
В венке из маков и васильков.

Стихом червонного излома
Ночное небо сверкнет в бреду.
Костер, зажженный взрывом грома,
Осветит свадьбу двух душ в саду.

ЛЕТО

Я великое жаркое Лето,
Огнеликое чудо в дыму,
Я тепло огневого ответа,
Вопроси, – все поймешь, как сожму.

Я велю обозначиться зною, –
Многозыбкий, он виден глазам,
Я вселенскую пляску устрою,
На усладу раскрытым сердцам.

Заалеется мной земляника,
Покраснеет, потупится ниц,
Переброшусь я в радостность вскрика,
В загорелые лица девиц.

Все побеги и ржи и пшеницы
В золотой я одену наряд,
Я скажу, – заиграют зарницы,
Кое-где и деревни сгорят.

Я горячее алое Лето,
Я высокий предел всех живых,
Набирайтесь великого света,
Запевайте свой свадебный стих.

ПРОСИНЬ

Листья, расцвета червленого,
С беглыми нитями просини,
В воздухе – запахи жженого,
Верные вестники Осени.

Там, торфяными болотами,
Ходит огонь завершающий,
Птицы кружат перед слетами,
Снег скоро выпадет тающий.

Звездочки снега в плясании
Будут лишь предупреждением,
В том гробовом расцветании
Есть упоение тлением.

Ветер, как быстрыми копьями,
Тканями двигнет багряными,
С белыми крупными хлопьями
Вихри придут за туманами.

БАГРЯНОЕ СОЛНЦЕ

Багряное Солнце всходило
Над застывшей за летом землей.
Зачем ты меня не спросила,
В те дни как бродил я с тобой?

Все в белый окуталось иней,
Ото льдинок хрустит под ногой.
Желтой лесною пустыней
Проносится шорох сухой.

Какая дрожащая сила
В этом сердце, в тюрьме огневой!
Зачем ты меня не спросила?
Я тебе бы ответил: – «Я твой».

ВЕСЬ ВОЗДУХ

Весь воздух летом нас защищает шатром горячим.

А в осень жутко. Весь воздух жметя. С дождем мы плачем.

Все небо летом сияет светом. Все небо – сине.
А глянут тучи, – они могучи. Огонь в твердыне.

Все небо в осень молочно-бледно, белесовато.
А глянет просинь, – шепнет нам осень, что нет возврата.

ОСЕННЯЯ СКАЗОЧКА

Белая мышь пробежала,
Черная мышь проползла.
Жило осиное жало,
Осень и ос убрала.

Белая мышь забегает,
Только запляшет, – глядишь,
Черное что-то мелькает,
Черная шествует мышь.

Пчелы запрятались в улей,
Малые свечи зажгли,
Ждут там июней, июлей,
Спят в золотистой пыли.

Только пчелиная матка
Целую зиму не спит,
К меду припала, ей сладко,
Ключница, злая на вид.

Все же ей белая мышка,
Или ей черная мышь
Пискнет: «В сладях – без излишка,
Или, смотри, угоришь».

И засыпает обжорка.
Глянь, уж подходит весна,
Чья-то светлеется норка,
Белая мышка видна.

Солнце сейчас же за дело,
Вниз, головнею тряся.
Белая мышь посмелела,
Черная – тощая вся.

Люди добрые, вы большущие,
Сапоги у вас все с подошвами.
Ах, дожди, дожди, сверху льющие,
Чтоб ушли огни, стали прошлые!

Посудите же! Я Лесуночка.
Инструментик мой – балалаечка.
У меня своя в мыслях луночка,
Я в густом лесу многознаечка.

Знаю цвет любви и разрыв-траву,
Знаю смехами литься звонкими,
Землянику жду, костянику рву,
Убираю лес я опенками.

Сею гнездами я вам рыжики,
Крашу листья я желто-красные.
Ноют зяблики, плачут чижики,
Мне в глаза взглянув распрекрасные.

Но Зима грозит, снаряжается,
Словно волк идет к нам от Севера,
Так вот в разуме все мешается.
Где поля мои с духом клевера!

Из конца в конец лишь атавами
Ветер тешится вслед за косами.
И крикливыми вдаль оравами
Журавли летят долгоносые.

Утром – зимники, росы сильные,
И во все Мороз дунул стороны.
Где вы, цветики? Спят, умильные.
Только каркают сверху вороны!

КАПРИЗНИЦА

Пела, пела пеночка,
Звенела конопляночка.
Маленькая девочка
Скучала о зиме.
Не ведала капризница,
Что зима уж близится,
Хлопьями собирается
В недалекой тьме.

Вот и пламя вечера
В пепле дней развеялось,

Затопили печи мы,
Холодно в дому.
И мечтала девочка
Как певала пеночка,
И тихонько плакала,
Не зная почему.

БРОДЯГА

Бродяга я. До холодов, с грозой,
Плясал огнем, и реял стрекозой.
И вот, бездомный, признаюсь я, грешник,
Что с завистью смотрю я на скворешник.

Когда б в такой забраться теремок,
И там в тепле замкнуться на замок.
Ах, рада белка малому орешку.
Подайте пяточок мне на ночлежку.

СОЛНЦЕ, ВЕТЕР И ВОРОН

Взял Старик в амбар мешок,
Мышь в мешок проворно скок,
И прогрызла там дыру,
И ушла сама в нору.

Крупка сыплется в мешок,
Крупка в норку наутек,
Крупка высыпалась вся,
Пляшет мышь, хвостом тряся.

Тужит Старый: «Как тут быть?
Как тут горю пособить?»
Зерна скрылись, – где и след.
Разве Солнце даст совет.

Солнце слышит свысока,
Обогрело Старика,
Месяц белый осветил,
Вышли зерна из могил.

И летел из дальних стран
Ворон Воронович Вран,
Помахал своим крылом, –
Крупкой полон весь заком.

КОЛОБОК

– Толокняный колобок,
Ты куда бежишь, дружок?
– А бегу я к волку в пасть.
– Верно, там тебе пропасть.
– Нет, я волка покормлю,
Но катиться я люблю.
Только волк меня поест, –
Я качусь до новых мест.
– Как же это, колобок?
Ты из пасти – прямо скок?
В брюхе волка – темноты
Не боишься, верно, ты?
– А в моих полях – овес,
Много зерен он принес.
Намесили толокна,
И в квашне не видно дна.
Волк от ночи до утра
Ест, – а молвлю я: «Пора!» –
И обглоданный – в квашню,
И круглюсь во славу дню.
– Ишь, а мне и невдомек,
Ты прехитрый колобок.
И кружить тебе не лень?
– Нет, я свежий каждый день.

СЕМЯ-ЗЕРНО

1

Мечтанья девушек красивы,
Полузакрытые цветы,
Но есть мучительные срывы,
И цепкий зов из темноты.

Меня страшит мое ночное,
В ночах слепое, существо,
Но нашим миром правят двое,
Разрыв – начало для всего.

Цветы каштана в Марте свежем
Горят как свечи под Луной,
Но если взор мы светом нежим,
Зерно растет из тьмы ночной.

Вот оно брошено, семя-зерно,
В рыхлую землю, во что-то чужое.
В небе проносятся духи, – их двое, –
Шепчут, щебечут, поют.

Спрячься в уют.

В тьму углубляется семя-зерно,
Вечно одно.

Было на воздухе цветом красивым,
Колосом с колосом жило приливом,
Было кустом,
Малой былинкою, древом могучим,
Снова упало в могильный свой дом.

Духи из пламени мчатся по тучам,
Духи поют: «Улетим! Отойдем!»

Сердце, куда же ты мчишь, безоглядное?

Вот оно, вот оно,
В землю зарытое, малое, жадное,
В смертном живое, семя-зерно.
В подпольи запрягано, прелое,
Упрямо хотящее дня,
Собой угорелое,
Порвалось, и силам подземным кричит: «Отпустите меня!»

Вся тяга земная
Ничто для него.
Есть празднества Мая
Для сна моего,
Апреля и Мая
Для сна моего.
Кто хочет уйти, отпустите его.

Вся тяга земная
Прядет для меня золотое руно,
И ласка от Солнца есть ласка родная,
И тьма обнимает – для дня сохраняя: –
В глазах ведь бывает от счастья темно.
Душа человека есть в Вечность окно,
И в Вечность цветное оконце – разъятое семя-зерно.
Серое, тлеет, упрямо уверено,
Что зажжется восторг изумруда,
Что из темного терема
Вырвется к Солнцу зеленое чудо.

Духи порвали огромности туч,
Голос потоков, как пляска, певуч,
Весть золотая с заоблачных круч,
Из голубого Оттуда.

3

Я вас кроплю водою
Из чистых родников,
Цветы мои, горите
Огнем живых зрачков.

Я вас кроплю слезою
Мгновений и годов,
Цветы мои, светите
Лампадой лепестков.

Я вас кроплю мечтою,
Из крови сплел покров,
Я умер, вы живите,
Наш мир лишь вами нов.

Ушел в века с зарею,
Вернусь из тьмы веков,
Цветы мои, вы нити
Бессмертных жемчугов.

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

No quema, sino da luz, este fuego
del santo amor. Oh diremos que
quema y no quema!
Fray Diego de Estella

Не сжигает, а дает свет, этот
огонь святой любви. О, скажем,
что сжигает и не сжигает!
Фрай Диего де Эстелья

ЖЕРТВЕННЫЙ ЗВЕРЬ

Белорунный, сребролунный, из пещеры вышел зверь.
Тонкоструйный, златовейный, зажигаю огонь теперь.

В старый хворост брызнул шорох, вспышек быстрых перебег.

Зверь пещерный, беспримерный, весь сияет, словно снег.

Златорогий, стройный, строгий, смерти ждет он не страшась.
Струйки-змейки, чародейки, вейтесь, пойте, стройте час.

Струнным строем час построен, час и миг и волшебство.
Снег разъялся, кровь красива, хворост ожил, жги его.

В старых ветках смерть устала спать и ждать, не бойся жечь.
Все, что пламень метко схватит, встанет, словно стяг и меч.

Златорунный, огневейный, красный, желтый бог Костер,
Жги нас, жги нас, как несчетных жег и сжег твой жаркий взор.

ЗАПОВЕДЬ

Не убивай. Не отнимай. Не соблазняй – несоблазненный.
Не завлекай в веселый гай, коль сам не взят тоской бессонной.

Но если ты влюбил мечты, как любим сердцем близость Бога,
Иди, куда зовет звезда, и пусть ведет тебя дорога.

И пусть убьешь. Быть может, ложь, что ты убийца – убивая.
Ведь в битве есть восторг и честь, и есть призыв Родного края.

И если взят чрез быстрый взгляд весь мир другой – души плененной,
Возьми меня рукой огня, – блаженным буду я сожженный.

У РУЛЯ

Морским свеченьем горит волна,
Направо волны, налево вал,
Довеял ветер обрывок сна,
В котором разум давно дремал.

Тот сон – безвестность путей иных,
То сновиденье – о берегах,
Еще не спетый дрожащий стих,
Тот клад заветный, что в пеленах.

Я уплываю, так суждено,
Мгновенья пали, их не вернуть,
Увижу ль берег, увижу ль дно, –
На Ориона я правлю путь.

ОРИОН

Ориона, Ориона, Ориона три звезды
Я зову тройным зазывом над стремнинами воды.
Яркий пояс вышний Витязь, чуя с мраком бой, надел,
С троекратным упованьем расширяю свой предел.

Правя к Югу, веря Югу, бледный Север я люблю,
Но, лелея в сердце призрак, волю дал я кораблю.
Ориону, Ориону, Ориону, в битве с тьмой,
Отдаю первоначальность, первый гимн весенний мой.

Витязь встанет, Витязь глянет, и еще за ночью ночь.
Сердце, слушай зовы света, и Судьбу свою пророчь.
Бури страшны – лишь для страха. Веря в звезды – дышит грудь.
Орионом, Орионом, Орионом явлен путь.

СОЧЕТАНИЯ

Дальний Сириус дрожью объят, колыбелится, тянется свет.
Это – сказ, это – звук, это – сон, перекатная зыбь перезвона.
И как ровно горит перед ним, начертанье высоких побед,
Троезвездный размеренный звон, ослепительный сistr Ориона.

СВЕТОЧ ЮГА

С каждой ночью все направо содвигался Орион,
Каждой ночью был к иному звездным пенем дух взнесен,
И в неожиданный час однажды, над разбегом корабля,
Расцветился знак желанный, чьим огнем жива Земля.

Он земным владеет кругом, четырем велит ветрам,
В первый миг он нас встречает, в смертный час он светит нам,
В разных ликах засвечаясь, был надеждой разных мест,
В Южном море он взнесенно воссиял как Южный Крест.

КОВЧЕГ ВЕЧЕРНИЙ

Луна вошла за Океаном
И светом нежит нас медвяным.
Корабль дрожит над мглой валов,

Ковчег вечерний, улей снов.

По вскипаю зыбкого агата
Скользит мерцающее злато.
И я лечу, мечтой ночной,
Пчела-виденье, в Край родной.

ТАЙНОПИСЬ

Когда б тебя, с кем слит я в тайной цельности,
Мог каждый миг я – взор во взор – встречать,
Сверкали б мы в лазурной беспредельности,
Скрепив судьбу, как звездная печать.

И были б мы в причастии горения,
Вгнезденные в созвездие одно,
Дабы светить всем тем, чей путь – борение,
В ночных степях, где глухо и темно.

Когда б с тобой, с кем часто я в разлучности,
Мой рок меня светло сковал навек,
Звучали б мы псалмом вселенской звучности,
И пили б все от светловодных рек.

Все ж мнится мне, что, если здесь в мгновении
Так часто мы с тобой разлучены,
Двойной звездой, в грядущем вознесении,
Мы бросим в мир немеркнущие сны.

ТОЛЬКО ТЫ

Только ты меня можешь вести по путям,
Где горячая молния – там.
Только ты мне отрада, и правый мой суд,
Если обруч я выкую – тут.

Лишь одна есть рука, и в ночи, и среди дня,
Для горячего в беге коня.
Лишь один есть стрелец, что умеет в мету
Без ошибки попасть на лету.

Лишь с тобой мой полет – чрез простор темноты.
Хоть за край, если в пропасти – ты.
И с хоругвью в ветрах, за тобой я лечу,
Гром готовится встретить нас – чу!

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Я раскрыл лебединые крылья,
И коснулся крылами зари,
И легко, высоко, без усилья,
Возлетел. Мой размах повтори.

Если хочешь лететь легковольно,
Там, где звезды подобны ручью,
Ты пойми и почувствуй безбольно
Лебединую песню мою.

Улети от родного затона,
От знакомых родных ступеней,
Убаюкай дрожание стона,
Будет песня полней и звучней.

Икупаешься в Солнце безвестном,
Обвенчаешься с Новой Луной,
И к пределам желанным, хоть тесным,
Прилетишь с полнопевной весной.

Из пустынь, что лазурно-высоки,
Упадешь белоснежно к гнезду,
И качнешь ты родные осоки,
Закачаешь на влаге звезду.

С МОЛНИЕЙ

К тебе я в грозах прилетал,
Тебя дождями я кропил,
С тобою светлый пил бокал,
И слушал тихий звон кадил,
Тебя я в лунный ввел опал,
И быстрой молнией светил.

И если будет мне дано
Продлить земную череду,
И если в яркое звено
Я вброшу вновь и вновь звезду,
Томись и жди, раскрыв окно,
Я снова с молнией приду.

В НОЧАХ МИРОВ

Я вброшен в мир неведомой Судьбою,
И с вихрями зиждательными свит,
Я должен мчаться бездной голубою,
Одетою ночами в аксамит.

Я должен быть светильником летящим,
Прорезать мрак алмазною слезой,
Быть светляком глубинностям и чашам,
Игрой зарниц загрезить за грозой.

Струною петь о таинстве стремленья,
Зачать, качать протяжный перезвон,
В зеркальность дней пролить волну продленья,
Создав напев, лелеять зыбкий сон.

Но был бы я безмерно одиноким,
Когда б в ночах, с их мглою голубой,
Я не был слит с виденьем звездооком,
И не горел тебе, в себе, тобой.

НАПЕВЫ РУН

Напевы рун звучат – но лишь для взора,
В узорах звезд, в которых высота
Сложила гимны огненного хора
Под верховенством Южного Креста.

Напевы рун дрожат – их слышит ухо
Во вскипах волн, в безмерности морей.
Дорогой глаз, или тропинкой слуха
В их смысл войди – все смыслы в них светлей.

СКАЗ О ЗВЕЗДАХ

При начале наших дней
Люди Бога огорчили,
Он ушел от нас во тьму.
Скучно было там ему.
Вечно с тьмою, всюду с ней.
Зачерпнул в своей он силе
Так с пригоршни две огней,
Радость сердцу своему.
И унес подальше их.
Но они, горя, сквозили

Через Божию суму.
И в своем он терему.
Но идя средь звезд золотых,
Весь сияя в звездной силе,
Растерял не мало их,
И горят еще сквозь тьму.

НЕ ИСКУШАЙ

Мать Матерей, родимая Земля,
Отец Земли, лазурный Океан.
Покой сознанию синим Небом дан,
И нежат мысль зеленые поля.

Я был как все. Во мне горел Огонь.
Я жил во всем. Касался до всего.
Устало сердце. Мир, не мучь его.
Я тихо сплю. Не искушай. Не тронь.

ПОД ЗНАКОМ СВАСТИКИ

Капля неведенья в море незнания,
Искра мгновенная в хлещущей мгле,
Ты, маловерное чадо терзания,
Ты, беспримерная вспышка во зле.

Все твоё деланье в тающем времени,
Все твои сны, и верхи Пирамид,
Лишь прорастание малого семени,
Факел твой пляшущий быстро горит.

Вспыхнут Рамзесами, иль Ахиллесами,
Меткозахватными, яркие дни,
Тотчас задернется праздник завесами,
Сгрудятся гномики, тушат огни.

Все созидания Эллина гордого,
Первого воина нашего я,
Суть лишь вскипания мрамора твердого,
Камень, возжаждавший быть как струя.

Струи кончаются. Струи свежительны,
Все же не вечно им можно сверкать.
Только страдания в цепкости длительны,
В том поручится вам каждая мать.

Расчетвертованность. Свастика вечная.
Крест во вращении. – Где же наш Дом?
Где же есть верное? Скучно конечное.
Жизнь наша – в полночи, с Южным Крестом.

ПОСЛУШАНИЕ

Вся Природа послушанье
И таинственный устав.
Рьяных смерчей рокотанье,
И шуршанье светлых трав.

Смерти бледное явленье,
Ярких радуг семицвет.
Взрыв подземного горенья
Вулканических побед.

От созвездий ожерельных
До собирающей пчелы,
Звук закона в числах цельных,
Цепь ячеек в глубях мглы.

Быстрый заяц, лист капусты,
Завлеченный в сказку волк.
Дрожжи замысла здесь густы,
Шелковичный тонок шелк.

Вся Природа послушанье,
В токе творческой любви.
В безднах знания и незнания
Верь звезде и нить не рви.

ТРОЕСТРОЧИЕ БОГАМ

Болезнь, седины, труп,
Три вечные пятна
Для видящего Муни.

Яд в меде нежных губ,
С расщелиной Весна,
Декабрь – уже в Июне.

Но мне болезнь и боль
Есть огненный исход,
Кремнистый путь познания.

Неволишь, так неволь,
Крылатым есть полет,
Лечу, мне нет изгнанья.

И седина есть снег,
И старость – замок дней,
Где пол и стены льдяны.

Минут там ровен бег,
Там радуга огней,
Там радости румяны.

И труп, чужой, родной –
Тоска, но лишь на миг,
И снова – до свиданья.

А если это мой,
Свободу я постиг,
Вновь – светлое скитанье.

И трем богам молясь,
Я засветил огонь
Пред Брамой, Вишну, Сивой.

И мраку каждый час
Пою: «Меня не тронь.
Я вольный и красивый».

ЦАРСТВО

Себя завоюй,
Собою владей,
Над жизнью всей
Зажги поцелуй.

И сердцем будь прям,
И сердцем будь чист,
Как утренний лист,
Как дым-фимиам.

Будь легким как сон,
Будь добрым с зверьми,
Будь тихим с людьми, –
Ты к Богу причтен.

ЩИТ

Бывший круглым, Лунный Щит
Глянул вырезным.
В легкой мгле ночной разлит
Дней сожженных дым.

Над колодцем мировым
Миг журчит-журчит,
Нас ведя к немым, к родным,
К сну замкнутых плит.

БОРО-БУДУР

(Храм Будды. – Ява)

В камне тлеющем хмуро
Лики – тысячи – хоры.
Еще смотрят их взоры.
Возле Боро-Будура
Серо-бурые горы.

Вон оттуда досюда
Протянулись вершины,
Как огромные спины
Исполина-верблюда,
Горбуна-чуда-юда.

Но в выси распаленной
Над Природой и Храмом,
Над ликующим гамом,
Многokrатно-внесенный,
Жив навек – Просветленный.

БУДДА

Как безгласность рождения снега,
Серебристых пушинок паденье, –
Как ладья, что от чуждого берега
Оттолкнулась, бежа заблужденья, –

Как вулкан, что, уставши от зноя,
Воссиял многоснежною чашей, –
Как лазурь, что упором покоя
Вознеслась над пустынею нашей, –

Как медлительный звон колокольни,

Что уходит густыми волнами, –
Как цветок, что над долею дольней
Фимиамными курится снами, –

Как привет «Отдохни» иноверцу,
Как горящая тихо лампада, –
Он дает утомленному сердцу
Все, что сердцу взметенному надо.

СОЛНЦЕ ВСТАЛО

Бог везде, куда ни глянь,
Всюду видит, всюду слышит,
Богу все приносит дань,
Слон, пчела, и лев, и лань,
Богом все живет и дышит.
Разрывая ночи грань,
Солнце встало. Верный, встань.
И молись. И верь. И глянь,
Как волна волну колышет.

К ЗВЕЗДАМ

Престолы душ, которые когда-то
Прошли пути страданий и надежд,
И отошли отсюда без возврата,
И там глядят в огне златистых вежд, –

Печати душ, которые созвенно
Являют взорам грамоту Небес,
И говорят, как все, что было тленно,
Живет вовек, и кто был мертв – воскрес, –

Несчетность душ, горенье изумруда,
Мерцание Небесных жемчугов, –
Да буду я меж вас, уйдя отсюда,
Звездой меж звезд, над сонмами веков, –

И пусть тот храм, все больше возрастая,
Обнимет всех, многовершинный лес,
И всех и все та Истина святая, –
Всезвездность душ, – взнесет в простор Небес.

ЧАС ПРИШЕЛ

Час пришел. Совершились пророчества.
Воплотились веленья времен.
Ты в железных морях одиночества,
В вознесеньи на горный уклон.

Далеко, за громадами влажными,
Улыбаются пажити дней.
Но роптаньями сумрачно-важными
Ты отброшен на ряд ступеней.

Для познавшего – нет заблуждения,
Для взошедших – все видно внизу.
Будь в морях, на горах, как видение,
Как маяк, победивший грозу.

МЕЖДУ ЗВЕЗД

Чего искать? Куда идти?
Корабль стремится по волне,
Морские звезды – вдоль пути,
Иные звезды – в вышине.

Морские звезды чуть блеснут –
И тотчас гаснут близ меня,
Дрожа, скользя, вот тут, вот тут,
Лишь дразнят вспышками огня.

А те, в далекой высоте,
Узорно-свитые огни,
До них идти – одной мечте,
Увы, так было искони.

Кипит вода. Встает земля.
Дымится дней немая нить.
Я в быстром беге корабля.
Куда мне плыть? Куда мне плыть?

ИНЕЙ

Иней белый, иней чистый,
Где мерцаешь ты сейчас?
Я иду пустыней мгlistой,
Весь мой свет – сиянье глаз.

Иней чистый, иней белый,
Поколдуй и погадай,
Дай прийти в твои пределы, –
Снега хочет горностай.

Белый призрак, белый иней,
Дай мне, чарою своей,
Быть звездой в пустыне синей
Над родной страной моей.

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Я на краю Земли. Я далеко на Юге.
Не юге разных стран, – на юге всей Земли.
Моя заря горит на предполярном круге.
В моих морях встают не часто корабли.

Мой светоч – Южный Крест. Мой светоч – отблеск льдины.
Здесь горы ледяные – один плавучий храм.
Но за чертой мечты – мой помысел единый
Ведет мой дух назад, к моим родным полям.

И сколько бы пространств – какая бы стихия,
Не развернула мне, в огне или в воде, –
Плывя, я возглашу единый клич: «Россия!»
Горя, я пропою: «Люблю тебя – везде!»

СТРАНА, КОТОРАЯ МОЛЧИТ

Страна, которая молчит, вся в белом-белом,
Как новобрачная, одетая в покров, –
Что будет тронут им, любующимся, смелым,
Несущим солнечность горячих лепестков.

Страна, которая всех дольше знает зиму,
И гулкую тюрьму сцепляющего льда, –
Где нет конца огням и тающему дыму,
Где долгий разговор ведет с звездой звезда.

Страна, которая за празднествами Мая,
Чуть лето глянет ей, спешит сказать: «Я сплю»,
Страна великая, несчастная, родная,
Которую, как мать, жалею и люблю.

УЗОРЧНАЯ ЗВЕЗДА

Узорочной звездой
Сквози попеременно.
Не льстясь игрою злою,
Не никни в то, что тленно.

Не захоти, в тумане,
Богатства волопаса,
В твоей душе есть грани,
Дай каждой яркость часа.

Не захоти, вздыхая,
Чтоб вечно было Солнце,
Мы – храмина большая,
В ней не одно оконце.

И истинно сказанье,
Что у отца у Бога
Для всякого дыханья
Обителей есть много.

Он Сам сказал: – Устрою.
Скорей сплетайте нити.
И за своей звездой
Одетые идите.

ИКОНОСТАС

«Что есть царствие? – Радованье в Духе».
Слово Духоборов

Иконостас живой, иконостас церковный –
Лик Вечного меж лиц, что видимы окрест.
Бог Сын – в лице людском, сквозь плоть просвет духовный,
Внесенный радостно, как лик созвездья, крест.

Вот день. Ты не сердись. И целый день, блистая,
Тянуться будет вверх незримая свеча.
Гнев – Ад, сердитость – Ад, а кротость – рощи Рая,
Лишь ведай бой один – духовного меча,

И что есть Царствие? То радованье в Духе.
И что есть Небеса? То – пение души.
Все громы, песни все – в твоём сокрыты слухе,
Весь свет в твоих глазах. Гори же. Поспеш.

МИРОЗДАНИЕ ДУХОБОРЧЕСКОЕ

В стезях, когда Вселенная,
Повсюду безыменная,
Была в себе, одна,
Одна как тишина, –
Без лунного течения,
Дневного украшения,
И Бог был в Божестве,
В том умном Существе, –
Возникло в нем сверкание,
То – первое желание,
И в брызгах светлых рек
Родился человек.
Да будем же торжественны,
Зане мы все Божественны,
С превыспренних высот
Чрез нас огонь идет.
Весь мир в себя вмещающий,
Вещающий, сверкающий,
Да будет сын отца
Вселенским без конца.

ДУХ

В Духе мы рождаемся,
В Духе утверждаемся,
Бодрствует в нас Дух,
Он нам глаз и слух.

В Духе – вознесение,
Сладостность пронзения,
В Духе свежесть струй,
Сим мечом воюй.

БОГ ЖИВОЙ

Бог живой, пророк нелживый он,
Камень крепкий, терпеливый он,
Он нам лестница высокая,
Он звезда нам златоокая,
Он кадило благовонное,
С тихим звоном вознесенное,
Он нам риза златотканная,

Сила сердца, Духом данная,
Церковь он нерукотворная,
Высота, от звезд узорная,
Луч от Неба, кем ликуем мы,
Меч от Духа, кем воюем мы.

ГОЛОС ОТТУДА

«Я не один, потому что Отец со Мною».
Ев. от Иоанна, 16:32

Был древле зов. Ему я внемлю.
Слеза слагается в кристалл.
Христос, дабы сойти на Землю,
Среди людей Евреем стал.
Я это ведаю, приемлю,
Без этого я скудно-мал.

Зачем лачугу Иудея
Он выбрал на земле как дом?
Тот возглас, в сердце тяготея,
Для сердца разрешен Христом.
Его святою кровью рдея,
Мы светлым цветом расцветем.

Самозакланый, во спасенье
Всех, кто приидет ко Христу,
Он на Земле Свое служенье
Вметнул как светоч в темноту,
Средь обреченных на мученье,
Что верны на своем посту.

В решеньи выпрением и строгом
В Египте он ребенком был,
И по Халдейским Он дорогам
Свой путь – незнаемый – пробил,
И, Бог, пришел в Израиль Богом,
И Человека возлюбил.

В суровом царстве Иеговы
Возник воздушнейший цветок,
Разбиты древние оковы,
Лилейно пенье кротких строк,
Не тщетны в мире были зовы,
Здесь дан рядам веков намек.

Кто скажет «Нет», в том хитрость змея,
Возжаждет поздно – молвит «да»,
Пребудем – сердцем не скудея,

Мы – здесь, нас призовут – туда,
Несть Эллина, ни Иудея,
Есть Вифлеемская звезда!

ЛАЗАРЬ

Лазарь в своих пеленах,
Страх в изумленных глазах.
Тайна дрожит там, сквозя,
То, что промолвить нельзя.

Будет он снова живым,
Тленье исчезло как дым.
Только до смерти, в зрачках,
Будет за радостью – страх.

ВОИСТИНУ

Пройдя чрез ужас тления,
Безмерность усыпления,
Смущенные, сожженные,
Из Ада изведенные,
Еще понять бессильные
Свое освобождение,
Стоят могильно-пыльные,
Но чуют воскресение,
И словно шепчет лес: –
«Воистину воскрес!»

СМЕРТНЫЕ ГУМНА

Смертные гумна убиты цепами.
Смилуйся, Господи жатвы, над нами.

Колос и колос, колосья без счета,
Жили мы, тешила нас позолота.

Мы золотились от луга до луга.
Нивой шептались, касались друг друга.

Пели, шуршали, возрастали мы в силе.
Лето прошло, и луга покосили.

Серп зазвенел, приходя за косою.
Словно здесь град пробежал полосою.

Пали безгласными – жившие шумно.
Пали колосья на страшные гумна.

Колос и колос связали снопами.
Взяли возами. И били цепами.

Веять придут. Замелькает лопата.
Верные зерна сберутся богато.

Колос, себя сохранявший упорно,
Будет отмечен, как взвесивший зерна.

Колос, качавший пустой головою,
Лишь как мякина послужит собою.

Зерна же верные, сгрудясь богато,
Будут сиять как отменное золото.

Дай же, о, Боже, нам жизни счастливой,
Быть нам разливистой светлою нивой.

Дай же нам, Боже, пожив многошумно,
Пасть золотыми на смертные гумна.

ЧЕТЫРЕ УГЛА

Четыре в здании угла,
Четыре истины на свете.
Быть в красоте. Не делать зла.
Любить весь мир. И быть как дети.

Быть в послушаньи красоты,
Самозаконной, самоценной.
Любить как я любое ты,
Пронзая лучом свой сумрак пленный.

Остерегайся сделать зло.
Исправь, что здесь исправить можно.
Алмазно-чистое стекло
Храни. И шествуй осторожно.

А если ты его разбил,
Припомни: – В страшной силе жара,
Всем напряженьем тайных сил,
Ты явишь новью то, что старо.

БЛАГОВЕСТ

Я всем пою мое благословение.
Нет никого, кто был бы мне врагом.
Я был в Огне. Но в кузнице мгновения
Я претворил металла тяжкий ком.

Он темным был. Я дал ему пылание.
Его вметнул я в огненную печь.
Был звон и дым. И диво-изваяние
Я молотом сумел из тьмы извлечь.

И вот иду. Я разлучен с горнилами.
Я с каждым здесь. От всех я ухожу.
Все существа мне стали близко-милыми.
Я показал им светлую между.

ОГНЕДЫМЫ

Был в огнедымах я, был в водоверти я,
Пересоздания пытку прошел.
И возвещаю вам радость бессмертия,
Беден и счастлив на зыбях всех зол.

Гол, и одет солнцебыстрыми крыльями,
Гордая птица, смиренно живу.
Не утомлюсь никакими усильями,
Лишь бы мне снилось опять наяву.

Вижу Египет я. Тайну загробную.
Взмахами крыльев я дымку пряду,
Светлую, жаркую, солнцеподобную,
В сердце незримую слышу звезду.

Помню, как вольный запутался в сети я.
В храме я. Бог я. Меняется сон,
Дымные тают, как горы, столетия.
Тысячелетия. Я Фараон.

Рядом со мною, – что мною возлюблена,
Втянута Солнцем в блестящий узор,
Мною отмечена, мною погублена,
Вестница Солнца, земная Гатор.

Тают туманами тысячелетия.
Солнце и странам велит засыпать.

Чисел сплетение в пламенной смете я.
Ветер, а завтра я водная гладь.

Я мое – все мое, свитки свершенностей.
Огненный суд, чтоб проверить любовь.
Верить и в царство ввести многозвонностей.
Песнь моя, светлый конец приготовь!

Я ЗНАЮ

Песчинки дождя золотого, который излился однажды,
Пылинки великого смерча, что взвихрил грозу бытия,
Высокие царские звезды, источник негаснувшей жажды,
Сквозь пламень и дым мирозданий идет к вам молитва моя.
Когда-то, когда еще цельным дрожало, горя, ожерелье,
Я был в нем как утренний жемчуг, и был в нем как лунный опал.
Теперь я в земном изумруде. Но будет опять новоселье.
Я знаю. Я звездною цепью свой разум с Безбрежным сковал.

ПСАЛОМ ЗВЕЗДЫ

Звезда звезде всегда поет псалом,
На небесах не молкнет Литургия.
И не одним тот скреплен гимн узлом,
Чуть замолчит звезда, горят другие.

Напевный грозд ты различишь и днем,
Лишь опустишь – не в пропасти морские –
В колодец темный, в тот подземный дом,
Где жажды утоляются людские.

От вышины, доступной для очей,
До глубины, куда рука людская
Вонзает заступ, дух свой продвигай, –

В глушащий день, и в гулкой мгле ночей,
Внимай псалмам, сплетенным из лучей,
В душе души звезду оберегая.

ПЯТЬ ЗВЕЗД

Я предавался чувствам в их игре,
Я знаю пятеричность увлеченья.

Заря в июне светится заре,
Река с рекою рада слить течение.

Пять наших чувств есть путь предназначенья.
И древний лист, застывший в янтаре,
Есть тайный знак высокого ученья,
Как быть бессмертным в жизненной поре.

Всей ощупью своей он жил на древе,
Дышал, светил для близкого листа,
Впивал росу, и с ветром был в напеве.

Ниспал в смолу. Застыл как красота.
Другой нам вещий знак – от Духа к Деве:
Пять звезд блестящих Южного Креста.

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Пять звезд блестящих Южного Креста
Горит над зыбью вторящего гула.
Семь звезд полярных, наших льдов мечта,
За краем Океана потонуло.

Проворный хищник, зоркая акула
Плывет, в ее утробе пустота.
Ладья Луны полнеба обогнула,
И метеоров брызжет суета.

Откуда Крест во взвихренной метели
Планет и лун и этих вышних льдин?
Пять алых капель в крайний час зардели, –

Когда в прозреньи снов был распят Сын,
И, оснежась, они похолодели.
И Южный Крест на небе – властелин.

БЕЛЫЙ ПУТЬ

Уходит Солнце с Запада к Востоку,
Через двенадцать Солнечных Домов,
Верь зримому, хоть мнимому, намеку,
Верь золотой и высшей из Основ.

Двенадцать звездосолнечных чертогов,
Чрез Южный Крест, туда, где Скорпион,
Двенадцать озвездившихся порогов,

И Арго держит путь на Орион.

На Арго реет веером сиянье, –
И угольная дышит чернота,
Вознесшая высокий знак Страданья,
Как Змий под стягом Южного Креста.

СТРАДА

Не страданье, а страда,
Сноп сверкания – звезда,
Трав небесных крепкий стог,
Духом созданный чертог.

Дремлют в ярких снах Косцы,
Дух и тело – Близнецы,
И стрела-алмаз Стрельца
В безднах мчится без конца.

Ворон, Волк, Дракон, и Лев
Взяты в огненный напев,
Бег их – пламенный псалом,
Яркий узел за узлом.

В звездной Там все наше Здесь,
С Небом ум уравновесь,
И свершай, как лик Звезды,
Геркулесовы труды.

Круг свершений очертив,
Смело кинешься за срыв,
И тебя, сверкнув, возьмет
Огневой водоворот.

СКАЗ О КАМНЯХ

Кто алмазы расцветил?
Кто цветы дал? – Звездный Гений,
В час рождения светил,
Горсть сверканий ухватил,
И обжегся от горений,
От живых воспламенений,
Исходивших из горнил.
Он обжегся, усмехнулся,
Все ж, сверкая, содрогнулся,
Пламень взятый уронил.

Капли пламени летели,
Охлаждаясь в темноте,
Все ж храня в небесном теле,
В малом теле, в круглоте,
Взрыв, и дрожь, и зов к мечте,
Брызги радуг – Красоте.

Из горячих водоемов
Закипающих светил,
Звездный Гений, в гуле громов,
В блеске молний и кадил,
Много чувств поработил,
В тело вольными вместил,
И замкнув их в разном теле,
Повелел, чтоб вспевно рдели,
Чтобы пели песнь побед,
А в иных, как в колыбели,
Чтоб дремотный грезил свет,
Словно ночью от планет.
И чтоб ярче было чудо,
В ямы горной тесноты
Бросил стебли и цветы,
Вспыхнул пламень изумруда,
И тая огней раскат,
Был рубин и жил гранат.
Камни чувство задержали,
Целы разные скрижали,
Как различен цвет лица.
Лунный холод есть в опале,
И кровавятся сердца
В сердолике без конца.

И чтоб искристого пира
Был в мирах протяжней гул,
Звездный Гений, с кровли мира,
Синей влаги зачерпнул, –
Капли нежного сапфира,
Голубея, полились
С Моря сверху – в Море вниз, –
Камни были там слепые,
Камни стали голубые,
Синью молнии зажглись,
Мчась высокою твердыней,
И в очах агат зрачков
Окружился сказкой – синей,
Словно Небо над пустыней,
Или вспышки васильков.

Звездный Гений, с грезой дружен,
Возжелав свою печать
В нашей жизни отмечать,
Бросил нам еще жемчужин,

Уронил он капли слез,
Ветер с Неба их донес.
Но с волной морей гуторя,
Дух свой к Морю наклоня,
Уронил он в бездну Моря
Слезы вышнего огня.
Бездна встала с кликом гула,
Был тот рокот говорлив,
Бездна жадная сверкнула,
Сонмы раковин раскрыв.
И отпрянула к хоромам
Темным, вниз, как от врага,
Закрывая синим громом
Неземные жемчуга.

Там и будет эта ясность,
Та немая полногласность
Слез, упавших с высоты, –
Чтобы тешила опасность,
Тех, кто жаждет Красоты.
И земным бросаться нужно
В пропасть Моря с берегов,
Чтоб сверкнула им содружно
Нитка круглых жемчугов.

МЕСТЬ СОЛНЦА

Египетское Сказание

Некогда солнечный Ра,
Из золотого чертога,
Праведно правил людьми.

Но остудилась игра
Крови горячего бога, –
Это сказанье пойми.

В лете стихает перо,
Море синее в покое,
Ра утомился от бурь.

Кости его – серебро,
Тело его – золотое,
Волосы – камень лазурь.

Люди узнали про то,
Люди его поносили,
В мыслях погасла свеча.

Только не ведал никто,
Как и в притихнувшей силе
Хватка огней горяча.

Ра созывает богов,
К богу воззвал Океана,
В бездне откликнулся Нун.

Старший, основа основ,
Знал он, как утро румяно,
Ра в Океане был гон.

Солнце, когда-то дитя,
В Нуне качалось туманном,
Солнце возникло из вод.

Море, волной шелестя,
Гулом гудя необманным,
Слышит, коль кто позовет.

«Старший, Владыка морей,
Боги, окружные ныне,
Вот моя жалоба к вам.

Люди суть слезы очей,
Люди – песчинки пустыни,
Люди – прибавка к мирам.

Создал их оком моим,
Люди на Солнце восстали,
Что же мне сделать с людьми?»

Нун, он всегда нелюдим,
В пенной воскликнул печали:
«Солнце, совет мой прими!

Сын мой, ты выше Отца,
Жаркий пребудь на престоле,
Людям же око пошли!»

Сделалось! Зной – без конца.
Люди от жара и боли,
Вьются как черви в пыли.

Из городов, деревень,
Люди бежали в пустыни,
Око догонит везде.

Где хоть малейшая тень?
Зной не смягчается ныне
И при Вечерней звезде.

Око, покинувши Ра,
Стало горячей богиней,
Стадо красивой Гатор.

Ждать ли сожженным добра,
Тронутым молнией синей,
Знающим пламенный взор?

Чувствует Ра в полумгле,
Солнцу Гатор – благовестье,
Око вернулось назад.

«Я – Красота на Земле,
Огненный суд для бесчестья,
Я – сожигающий взгляд!»

Солнце увидело мечь,
Целый Египет – как жатва,
Люди кругом сожжены.

Жертв обгоревших не счесть.
Мыслит: «Да кончится клятва,
Жатва красивой жены!»

Пьянственный сок ячменя
Выжать велел изобильно,
В сок тот прибавить гранат.

К утру горячего дня,
Всюду, где было так пыльно,
Красный забил водопад.

Всюду, – на вид, – на полях
Кровь на четыре сажени,
Новый Египту убор.

С жаждой в зажженных очах,
В жажде живых наслаждений
Пьет и пьянеет Гатор.

Так налилась красота
Этого призрака крови,
Что позабыла людей.

Спит. И светла высота.
В сердце есть дали и нови.
В мире есть свежесть дождей.

Все же ушел от Земли,
И навсегда – в отдаленьи,
Жгущий и греющий Ра.

Повести Солнца внемли.
Солнцу молись в пенопении.
Помни, что было вчера.

СТРОИТЕЛЬ

... Но будет час, и светлый Зодчий,
Раскрыв любовь,
Мое чело рукою отчей
Поднимет вновь.

Ю. Балтрушайтис

1

Атлантида потонула,
Тайна спрятала концы.
Только рыбы в час разгула
Заплывут в ее дворцы.

Проплывают изумленно
В залах призрачных палат.
Рыбий шабаш водят сонно,
И спешат к себе назад.

Лишь светящееся чудо,
Рыба черный солнцестрел,
От сестер своих оттуда
В вышний ринется предел.

Это странное созданье
Хочет с дна морей донесть
Сокровенное преданье,
Об Атлантах спящих весть.

Но, как только в зыби внидет,
В чуде – чуда больше нет,
Чуть верховный мир увидит,
Гаснет водный самоцвет.

Выплывает диво-рыба,
В ней мертвеет бирюза,
Тело – странного изгиба,
Тусклы мертвые глаза.

И когда такое чудо
В Море выловит рыбак,
Он в руке горенье зуда
Будет знать как вещий знак.

И до смерти будет сказку
Малым детям возвещать,
Чтобы ведали опаску,
Видя красную печать.

Детям – смех, ему – обида.
Так в сто лет бывает раз.
Ибо хочет Атлантида
Быть сокрытою от нас.

2

Я долго строил башню Вавилона.
Воздвиг ее, как бы маяк морской.
Один, в ночах, по свиткам Небосклона,
Прочел строку за светлою строкой.

Мне Зодиак явил сплетенье смысла,
Что скрыт от спящих, там внизу, людей.
Алмазные внеся в таблицы числа,
Я магом был, звезда меж звезд, Халдей.

Упился тайной, властвуя царями,
Народы на народы посылал.
И были царства мне в ночах кострами,
И выпил я пурпуровый фиал.

Когда же царь один хотел быть выше,
Чем я, кем все держались цари,
Почаровал с высот я в лунной нише,
И царь надменный умер до зари.

Другой же, не поняв, что перемена
Властей – в уме того, кто звездочет,
Возмнил себя скотом, и ел он сено,
А я смотрел, как Млечный Путь течет.

Но вот, но вот, хоть всех я был сильнее,
И тайну тайн качал в моих ночах,
Не полюбила вещего Халдея
Истар Земли с Вселенною в очах.

И как горит блестящая Денница
Не Солнцу, а себе или Луне,
Как к белой птице белая льнет птица,
Лишь труп ее был чарой предан мне.

Под Месяцем ущербно-наклоненным,
И заострившим в смертный бой рога,
С отчаяньем, с восторгом исступленным,

Я внял, что Вечность бьется в берега.

Но я-то был бездонный и безбрежный,
Лишь Я ночное было мой закон, –
И я ласкал тот труп немой и нежный,
И, взяв свое, я проклял Вавилон.

Я произвел смешение языков,
Людей внизу в зверей я превратил,
И пала башня в слитном гуле кликов,
И падал в вышнем Небе дождь светил.

Мой Вавилон, с висячими садами,
Мой Вавилон, в венце блестящих звезд,
Несытый, хоть пресыщенный, страстями, –
Ты пал, – река бежит, – но сорван мост.

3

Я красивее проснулся, выйдя снова из могил,
По желанью Озириса, там, где свежий дышит Нил.
Я в веселые охоты устремил свой юный дух,
Мне служили бегемоты, чада творческих Старух.

Полюбив, как бога, Солнце, жизнь приняв, как все – мое,
Я метал в вождей враждебных меткострельное копьё.
И от Севера до Юга, от морей до жарких стран,
Улыбалась мне подруга, изгибая стройный стан.

Строя пышные гробницы, так я пляску полюбил,
Что и в смерти мне плясуньи говорят о пляске сил.
От земного скарабея я узнал, как строить дом,
Я от сокола разведал, мне идти каким путем.

Я искусству жаркой схватки научился у быка,
И в любви ли, или в битве, жизнь казалась мне легка.
И пред тем как снизойду я вместе с милой в верный гроб,
Я помчусь за быстрым стадом легконогих антилоп.

Так сказал я, – так и сделал. Верен в слове Фараон.
Сыну Солнца светит Солнце. Тот, кто любит, счастлив он.
Чары мумий служат миру. Смерть – до Жизни свет стремится.
В вещей думе спит Пустыня. Весть идет от Пирамид.

4

Ибис верный улетел к истокам рек,
Изменен пожаром мыслей человек,
Но повсюду, где он бродит без конца,
В самой смерти сын находит лик Отца.

И смиренный, с умилением припав
К черным глыбам, что дают нам зелень трав,
Ты услышишь – слышьте, братья, мой завет, –
Все услышат весть Земли, что Смерти нет.

Лишь любите, полюбите сказку дня,
Полюбите, хоть случайность, хоть меня,
В глуби глянув, я вам правду говорю,
Ночь всегда ведет румяную зарю.

До Египта наши ласточки летят,
А весной опять их встретит ждущий взгляд,
Наши жизни это игры в честь Творца,
Сыну Солнца светит Солнце без конца.

СРЕДЬ ЛИКОВ

Средь ликов тех, чьи имена, как звезды,
Горят векам и миллионам глаз,
И чей огонь еще в тысячелетьях
Не перестанет радуго являть,
А может быть, зажжется новым небом,
Иль будет жить как песнь, как всплеск волны,
Я полюбил, уже давно, два лика,
Что кажутся всех совершенней мне.

Один – спокойный, мудрый, просветленный,
Со взглядом, устремленным внутрь души,
Провидец, но с закрытыми глазами,
Или полужакрытыми, как цвет
Тех лотосов, что утром были пышны,
Но, чуя свежесть, сжались в красоте,
И лотосов иных еще, что только
В дремотной грезе видят свой расцвет.

Царевич, отказавшийся от царства,
И возлюбивший нищенский удел,
Любимый, разлучившийся с женою,
Бежавший из родной семьи своей,
Прошедший все вершины созерцанья,
И знавший истязания всех мук,
Но наконец достигший лет преклонных,
Как мощный дуб среди лесных пустынь.

Спокойствию он учит и уменью,
Сковав себя, не чувствовать цепей,
Поработив безумящие страсти
Смотреть на мир как на виденье сна,

В величии безгласного затона
Молчать и быть в безветрии души,
Он был красив, и в час его кончины
Цветочный дождь низлился на него.

Другой – своей недовершенной жизнью –
Взрывает в сердце скрытые ключи,
Звонящий стон любви и сострадания,
Любви, но не спокойной, а как крик,
В ночи ведущий к зареву пожара,
Велящий быть в борьбе и бить в набат,
И боль любить, ее благословляя,
Гвоздями прибивать себя к кресту.

Но только что предстал он как распятый,
Он вдруг проходит с малыми детьми,
И с ними шутит, птица в стае птичек,
И он сидит пируя на пиру,
В хмельной напиток воду превращает,
Блуднице отпустил ее грехи,
Разбойнику сказал: «Ты будешь в Царстве».
И нас ведет как духов по воде.

Угадчивый, смутительно-утайный,
Который, говоря, не говорит,
А только намекает, обещая,
Узывчивый, как дальняя свирель,
Его покинешь, вдруг он вновь с тобою,
И веришь, и опять идешь за ним,
И вдруг умеет он промолвить слово,
Что хочешь ты услышать в крайний миг.

Но тот другой, безгласным чарованьем,
Не меркнет он, светясь в своих веках,
Бросая белый свет, поет безмолвно,
Глядит в себя, весь отрицая мир,
И подойдя к такому изваянью,
Глядишь в себя и видишь в первый раз,
Что мир не мир, а только привиденье,
А ты есть мир, и верно все в тебе.

К тому я приближаюсь и к другому,
И от обоих молча ухожу
Светлей себя, сильнее, и красивей,
Но слышу – жажду я не погасил.
И сильным, что смиренье возлюбили,
Слагаю я бесхитростную песнь,
Не облакая чувство в звон созвучий,
Не замыкая стих свой острием.

Я говорю: И красота покоя,
И чары отреченья чужды мне,

Я знаю их в моей размерной доле,
Но чувствую, что третий есть исход,
И в нем я как пчела в цветке и в улье,
И в нем я птица в лете и в гнезде,
И в нем я стебель пьющий и дающий,
И Солнце мой учитель в небесах.

Я выхожу весною ранней в поле,
И он со мной, помощник верный, конь,
И я, соху ведя, пронзаю глыбы,
А жаворонок сверху мне поет.
О, вейся, вейся, жаворонок выше,
И пой псалмы звучнее, чем в церквах,
И свей из тонких травок для подруги
И для птенцов заветное гнездо.

Я слушаю тебя, крылатый вестник,
Благословляю каждый миг земли –
Так с Богом говорит вся эта бедность,
Так в каждом миге чувствую я смысл,
Что с жаворонком мне не нужно мира,
И с пашнею не нужно мне креста, –
Всем, что во мне, служу обедню Солнцу,
И отойду, когда оно велит.

КАМЕНЬ ЧЕТЫРЕХ ГРАНЕЙ

Агни – в речи моей, Вайю – в духе моем,
Солнце – в оке моем, в мыслях сердца – Луна.
Браманское Слово

1

Я – точка. Больше в безднах мне не нужно.
Два атома скрепляются в одно.
И миллион. И в смене зорь, жемчужно,
Жужжит, поет, журчит веретено.

Я – нить. Ресничка. Та черта дрожанья,
Чей первый танец влагу закрутил.
И вот глядит. Как глаз. Миров стяжанье.
Зверей и птиц, героев и светил.

Я – острие. Пронзается им чувство
Любого, кто приблизится ко мне.
На высях самоценного Искусства
Я дух зову качнуться к вышине.

Я – искра. Я горю одно мгновенье.

Но мной, в заветном труте, подожен
Такой костер, что океан Забвенья
Не затемнит мой звездный Небосклон.

2

«Я – Земля, Земля!»
Мой звучит напев.
«Ты – Вода, Вода!»
Говорю, вскипев.

«Я – луга, поля,
В глыбе скрытый сев.
Ты – рудник, звезда,
Образ жен и дев!»

3

Эта песня – песнь священная,
Но поймут ее немногие.
Помнишь, вольная и пленная,
Наши луны круторогие?

Грудь твоя была лишь очерком,
Не достигшим полногрозности,
Лишь рисунком, детским почерком,
С нею взор мой был в созвездности.

Ты волнами златокудрыми
Скрыла зори, в нежной шалости.
Нам река словами мудрыми
Навевала кротость жалости.

Лепетала: «Утоплю ли я!»
Ворковала: «Забаюкаю!»
О, Елена! Ева! Юлия!
Всклики с звездною наукою!

Еще ранее, как гротами
Мы утешились, счастливые,
За слоновыми охотами
Рисовал быков и нивы я.

Мы играли обелисками,
Заслонялись пирамидами,
И в богов бросая дисками,
С ними мерялись обидами.

Мы для нищенства грядущего
Трою гордую встревожили,

И былое, в силу сущего,
Жгли, и трижды сон умножили.

Вот, летят тысячелетия,
Четверня неукротимая,
И сияю в лунном свете я,
И гляжу с тобой из дыма я.

Мы друг другом зажигаемся,
То веселыми, то грозными,
Вместе в пропасть мы свергаемся,
Если Рок велел быть розными.

И пространства черноземные
Превратив с тобою в житницы,
Мы вгляделись в ночи темные,
В дом Сибиллы, вещей скрытницы.

Возлюбив светила дальние,
Стали тихи, стали кротки мы,
Жизнь блеснула нам печальнее,
Взяли посохи и четки мы.

Плащ надев, с Крестом как знаменем,
Я пошел на бой с неверными,
Ты ж осталась – тихим пламенем
Быть над днями равномерными.

И на все четыре стороны,
В даль, где светит греза жгучая,
Век летят на битву вороны,
Ткется сказка, сердце мучая.

4

Пламя – в речи моей,
Вихри – в духе моем.
Ты – рудник. Ты мне – золото и цепь.

Солнце – вестник всех дней,
Лунной грезой живем.
Полетим, полетим через степь!

БЕЛЫЙ ЗОДЧИЙ

Когда великий Зодчий мира
Скрепил размеченность орбит,
И в дымах огненного пира

Был водопад планет излит, —

Когда сторожевые луны
Поставил он в слепых ночах,
И звезды, взятые в буруны,
Остановил, в них вдунув страх, —

Была в свеченьях восхищенья
Его высокая душа,
Узрев, что эта песнь творенья
В огнистых свитках хороша.

Но так был долог час созданья,
Что пламень сердца в нем застыл,
И снегом стал полет пыланья,
Как иней стал созвездный пыл.

Тот снежный миг навек нам явлен
В выси, где спит восторг и жуть.
Он будет некогда расплавлен,
Как двигнет Бог все звезды в путь.

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 3.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>